

ПРОКУРАТУРА СССР
ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ

Л. А. АНДРЕЕВА, Б. В. ВОЛЖЕНКИН,
Г. В. ОВЧИННИКОВА

56529
**ПОНЯТИЕ ХИЩЕНИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ИМУЩЕСТВА**

Учебное пособие

Изд. 2-е, переработанное

Ленинград
1985

ПРОКУРАТУРА СССР
ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ

Л. А. АНДРЕЕВА, Б. В. ВОЛЖЕНКИН,
Г. В. ОВЧИННИКОВА

62395

ПОНЯТИЕ ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Учебное пособие

Изд. 2-е, переработанное

Ленинград
1985

Рецензенты:

Заместитель начальника Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР, государственный советник юстиции III класса, кандидат юридических наук Ю. В. КОРЕНЕВСКИЙ.

Старший прокурор Главного следственного управления Прокуратуры СССР, старший советник юстиции, кандидат юридических наук Л. Г. ЮЖАКОВ.

Старший научный сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, кандидат юридических наук Т. Д. КРИВЕНКО.

Андреева Л. А., Волженкин Б. В., Овчинникова Г. В. Понятие хищения социалистического имущества. /Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. — Л., 1985. 80 с.

В пособии рассматривается общее понятие хищения социалистического имущества, раскрывается содержание признаков, входящих в это понятие (предмет преступного посягательства при хищении, незаконное и безвозмездное изъятие социалистического имущества, корыстная цель и др.). Особое внимание уделено вопросам разграничения хищения и смежных с ним преступлений. Широко используются руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР по проблемам, возникающим при квалификации хищений, судебная практика.

Предназначено слушателям Института усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР, может быть использовано работниками всех правоохранительных органов.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Конституции Союза Советских Социалистических Республик (ст. 10) социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности составляет основу экономической системы СССР. Социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач. Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее приумножения. Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях.

Укрепление и развитие социалистической собственности — необходимое условие решения таких задач Советского общенародного государства, сформулированных в Конституции Союза ССР, как создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны. „Гражданин СССР обязан беречь и укреплять социалистическую собственность. Долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру. Лица, посягающие на социалистическую собственность, наказываются по закону” (ст. 61 Конституции СССР). Как подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, „нужно всеми организационными, финансовыми, юридическими средствами накрепко закрыть всякие щели для тушеводства, взяточничества, спекуляции, для нетрудовых дохо-

дов, любых посягательств на социалистическую собственность".¹

Необходимость энергичной борьбы с хищениями социалистического имущества отмечалась и в решениях последующих Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства. В постановлении Верховного Совета СССР от 3 июля 1985 г. „По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности Прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан” при определении основных направлений деятельности органов прокуратуры, наряду с другими, поручено уделять особое внимание строгому соблюдению законодательства о всемерной охране социалистической собственности, борьбе с бесхозяйственностью, расточительством и хищениями государственного и общественного имущества.²

Для решения задачи охраны и укрепления социалистической собственности большое значение имеет применение норм уголовного права. Совершенствование знаний работников правоохранительных органов по вопросам квалификации хищений и, в частности, уяснение того, какие деяния подпадают под понятие хищения, вызывается нуждами практики применения закона. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 ноября 1981 г. „О повышении роли судов в борьбе с хищениями государственного и общественного имущества” отметил ошибки, допускаемые при квалификации содеянного, в том числе при отграничении хищений от смежных преступлений.³ Ошибочная квалификация деяния как хищения и наоборот — неприменение статей, предусматривающих ответственность за хищения, там, где это следует, является нарушением социалистической законности, которое должно быть изжито из следственной практики.

В настоящем учебном пособии рассматривается общее понятие хищения социалистического имущества, раскрывается содержание признаков, входящих в это понятие (предмет преступного посягательства при хищении, незаконное и безвозмездное изъятие социалистического имущества, корыстная цель и др.). Особое внимание уделено вопросам разграничения хищения и смежных с ним преступлений. Широко исполь-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. с. 59.

² Известия, 1985, 4 июля.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 1, с. 8.

зуются руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР по проблемам, возникающим при квалификации хищений, опубликованная судебная практика. Отбирая вопросы для рассмотрения, авторы руководствовались потребностями следственно-судебной практики.

Учебное пособие выходит вторым изданием. За время, прошедшее с момента первого издания (1976 г.), внесены некоторые изменения в законодательство, приняты новые руководящие разъяснения по вопросам квалификации хищений и смежных с ними преступлений, ряд новых вопросов поставила практика. Авторы стремились учесть все это при переработке пособия.

Пособие предназначено для проведения занятий в Институте усовершенствования следственных работников, а также может быть использовано практическими работниками органов прокуратуры, МВД и суда при решении конкретных вопросов квалификации хищений.

Раздел I

АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ ПОНЯТИЯ ХИЩЕНИЯ

Хищения государственного или общественного имущества относятся к числу преступлений против социалистической собственности. Действующее уголовное законодательство предусматривает различные способы (формы) хищений государственного или общественного имущества: кража, грабеж, растрата, присвоение, хищение путем злоупотребления служебным положением, путем мошенничества и, наконец, разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом. Всего, таким образом, существует семь форм совершения хищения, каждая из которых характеризуется рядом своих отличительных признаков.

Однако прежде чем квалифицировать то или иное общественно опасное деяние, связанное с посягательством на социалистическую собственность, как кражу или грабеж, растрату или мошенничество и т. д., необходимо решить: содержатся ли вообще признаки хищения социалистического имущества в этом деянии. Дело в том, что уголовное законодательство наряду с хищением предусматривает преступления, также посягающие на социалистическую собственность, подчас связанные с изъятием имущества из владения социалистических организаций, причиняющие государству или общественным организациям материальный ущерб, ведущие к незаконному обогащению виновного или других лиц, которые однако квалифицируются не как хищения социалистического имущества, а по другим статьям уголовных кодексов союзных республик.

Например, в большинстве кодексов в главе „Преступления против социалистической собственности” оговорено такое

преступление, как причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 94 УК РСФСР). По многим признакам данное преступление сходно с мошенничеством: в том и в другом случае причиняется имущественный ущерб социалистическим организациям путем обмана или злоупотребления доверием, оба преступления совершаются умышленно, из корыстных побуждений и ведут к обогащению преступника. Однако если мошенничество — это хищение социалистического имущества, то преступление, предусмотренное ст. 94 УК РСФСР и аналогичными статьями кодексов других союзных республик, таковым не является.

На практике возникают значительные трудности при отграничении хищений, совершаемых тем или иным способом, от таких преступлений, как присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества (ст. 97 УК РСФСР), частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР), обман покупателей или заказчиков (ст. 156 УК РСФСР), незаконная охота (ст. 166 УК РСФСР), нарушение правил сдачи государству золота (ст. 167 УК РСФСР), незаконная порубка леса (ст. 169 УК РСФСР), злоупотребление служебным положением, совершенное из корыстных побуждений (ст. 170 УК РСФСР), похищение документов из корыстных побуждений (ст. 195 УК РСФСР), самоуправство (ст. 200 УК РСФСР), угон автотранспортных средств (ст. 212¹ УК РСФСР) и некоторых других. Эти трудности как раз вызваны тем, что в названных случаях имеется целый ряд признаков, характерных и для хищения социалистического имущества. Однако если общественно опасное деяние квалифицируется не как хищение, а по другой статье закона, значит всех необходимых признаков хищения социалистического имущества в данном случае нет. Вот почему такое огромное значение для квалификации имеет общее понятие хищения, анализ всех его признаков.

Хищение государственного или общественного имущества можно определить как умышленное незаконное, безвозмездное изъятие имущества из владения (фондов) социалистических организаций с корыстной целью для обращения этого имущества в собственность свою или других лиц.

Следовательно, объективными признаками хищения являются: 1) изъятие имущества из владения социалистических

организаций и, тем самым, причинение им реального ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема материальных ценностей, находящихся в фондах; 2) незаконность этого изъятия; 3) безвозмездность этого изъятия.

Субъективными признаками всякого хищения являются: 1) умысел на незаконное, безвозмездное изъятие социалистического имущества и обращение его в собственность свою или других лиц; 2) корыстная цель изъятия (см. приложение 1).

Указанные признаки являются обязательными, конститутивными признаками хищения социалистического имущества и отсутствие хотя бы одного из них требует рассматривать содеянное уже не как хищение, а как иное преступление. Так, например, нельзя квалифицировать как хищение умышленное изъятие имущества, если оно не было безвозмездным или незаконным. В то же время не будет хищением причинение материального ущерба, совершенное с корыстной целью, если оно не было связано с изъятием имущества из владения социалистических организаций, и т. д.

Рассмотрим подробнее каждый из названных признаков общего понятия хищения.

Объект и предмет преступного посягательства при хищении. Понятие имущества

Объектом хищения является социалистическая собственность. Отношение собственности в праве выражается в правомочиях владения, пользования и распоряжения, которыми наделен собственник, и в обязанности других лиц не посягать на эти правомочия.

Право владения есть основанная на законе возможность обладания вещью, создающая условия хозяйственного воздействия на нее. Это право чаще всего осуществляет сам собственник, например, если вещь находится у хранителя по договору хранения. Владение может быть законным и незаконным (владение похищенной вещью).

Пользование означает удовлетворение с помощью вещи производственных, бытовых и культурных потребностей, а также получение доходов, приносимых вещью. Право пользования может осуществлять и не собственник. Так, наниматель имущества не только владеет, но и пользуется им. Пользование также может быть законным и незаконным.

Распоряжение — это принятие решений о временном или постоянном выбытии имущества из хозяйства, а также установление порядка производственного или потребительского пользования им. Уничтожение вещи собственником — тоже разнovidность распоряжения. В полной мере несобственнику право распоряжения никогда не передается.

Государство осуществляет правомочия собственника в отношении социалистической государственной собственности через свои органы власти и управления, через различные организации (предприятия, учреждения). Последним имущество предоставляется в оперативное управление. Государственные организации, как предусмотрено в ст. 26¹ Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 94 ГК РСФСР), владеют, пользуются и распоряжаются имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями их деятельности.

Колхозно-кооперативная собственность является одной из форм социалистической собственности (ст. 10 Конституции СССР). Колхозно-кооперативная собственность отличается от государственной собственности тем, что государственная собственность — достояние всего народа, а колхозно-кооперативная — это собственность отдельных коллективов, поэтому она не имеет единого фонда. В колхозах продукты производства и доходы принадлежат колхозу как собственнику, который сам осуществляет их распределение с учетом интересов государства, колхоза и колхозников. Право колхозно-кооперативной собственности выражается в праве владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению в соответствии с уставами (ст. 99 ГК РСФСР).

Собственность профсоюзных и иных общественных организаций — также форма социалистической собственности. Эта собственность в отличие от государственной не составляет единого фонда, а принадлежит отдельным обществам, союзам (ст. 23, 24 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст.ст. 102—104 ГК РСФСР). Право собственника данные организации осуществляют в соответствии с их уставами в пределах, установленных законом.

Все перечисленные виды собственности образуют социалистический фонд собственности. Социалистическая собственность названа в числе других охраняемых уголовным законом объектов в ст.ст. 1, 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Имущество хотя и тесно связано с понятием собственности, но не является общественным отношением. К. Маркс указывал, что сущность преступления, состоящего в похищении чужого имущества, в частности, леса, „заключается не в посягательстве на лес, как на нечто материальное, а в посягательстве на государственный нерв его — на право собственности как таковое”.¹ Поэтому неправильно считать имущество объектом хищения. Оно является предметом посягательства, под которым понимаются предметы внешнего мира, воздействуя на которые преступник нарушает социально-экономические отношения социалистической собственности. Вред общественным отношениям собственности выражается не только в том, что уменьшается общий фонд социалистического имущества, но и в том, что нарушаются непосредственно связанные с социалистической собственностью отношения по распределению материальных благ в соответствии с принципами социализма. При хищении вещь сама по себе не терпит ущерба, в то время как объекту всегда причиняется ущерб.

Под имуществом понимается совокупность вещей, материальных предметов внешнего мира, обладающих свойствами экономической хозяйственной полезности, а также деньги и ценные бумаги.

Прежде всего отметим, что предметом хищения могут быть только такие предметы материального мира, которые перестали быть частью природы, извлечены из естественного состояния с затратой труда и тем самым могут иметь денежную оценку. А поэтому необходимо отличать хищение от преступлений в области охраны природы и недр земли: незаконный рыбный промысел (ст. 163 УК РСФСР), незаконная охота (ст. 166 УК РСФСР), незаконная порубка леса (ст. 169 УК РСФСР), нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота (ст. 167 УК РСФСР).

Согласно Конституции СССР, земля, ее недра, воды, леса составляют государственную собственность. При совершении любого экологического преступления предмет посягательства — природный ресурс в естественном состоянии, при хищении — государственное или общественное имущество, имеющее товарно-денежную оценку. В связи с этим для отграничения хищений от экологических преступлений имеет значение решение вопроса о том, с какого момента природный ресурс, бывший в естественном состоянии, становится имуще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 1, с. 149.

ством, товаром, имеющим денежное выражение. Чтобы предмет преступления мог быть признан имуществом, он должен быть выделен предшествующим трудом из природной среды.

Суть хищения заключается в том, что лицо стремится обогатиться за счет труда других людей. Основываясь именно на этом критерии, Пленум Верховного Суда СССР в п. 10 постановления от 7 июля 1983 г. „О практике применения судами законодательства об охране природы” дал следующее разъяснение: „Действия лиц, виновных в незаконном вылове рыбы, добыче водных животных, выращиваемых колхозами, совхозами, другими предприятиями и организациями в специально устроенных или приспособленных водоемах, либо завладение рыбой, водными животными, отловленными этими организациями, или находящимися в питомниках и вольерах дикими животными, птицей, подлежат квалификации как хищение государственного или общественного имущества”.¹

Незаконная добыча зверей, птиц, рыб, хотя и выращенных с применением общественно полезного труда, но обитающих в естественных условиях, не является хищением, а должна квалифицироваться как браконьерство. Многие компоненты природной среды включают в себя предшествующий труд человека, например, в виде выращивания молодежи, лесовосстановительных работ, переселения животных и т. д. Однако дальнейшее развитие природных богатств при этом происходит в естественных условиях среды обитания, что не позволяет считать их имущественными ценностями.

Имуществом как предметом хищения следует признавать и не извлеченных из орудий лова рыб и животных, например, рыбу в сетях, пушного зверя в капкане, птицу в силках и т. д., поскольку они уже фактически обособлены, выделены из естественной среды.²

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 4.

² При расследовании такого рода дел должно быть доказано осознание преступником, что лов рыбы осуществляет социалистическая организация. Ю. И. Ляпунов в статье „Соотношение экологических и смежных составов преступлений” (Советская юстиция, 1984, № 11) высказал мнение, что даже в случае, когда рыбы, звери сознательно извлекаются ворами из сетей, капканов браконьеров, то это хищение социалистического имущества, так как незаконно добытая живность продолжает оставаться государственной собственностью, ни при каких обстоятельствах не переходит в личную собственность и вместе с тем это уже предмет, отторгнутый от естественной среды обитания, т. е. имущественная ценность.

По-разному в следственной и судебной практике на протяжении многих лет решался вопрос о квалификации незаконной порубки и корыстного завладения деревьями, высаженными в городах и населенных пунктах. Теперь, согласно разъяснению, данному Пленумом Верховного Суда СССР в п. 8 постановления от 7 июля 1983 г., действия лиц, виновных в незаконной порубке защитных или озеленительных древесно-кустарниковых насаждений, не входящих в государственный лесной фонд (например, в городах и других населенных пунктах, на полосах отвода железных, автомобильных дорог и каналов) надлежит квалифицировать по ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, т. е. как лесонарушение, поскольку деревья, после того как они высажены, становятся элементом природного ландшафта. Иначе квалифицируется завладение с корыстной целью деревьями или кустарниками, выращенными в лесопитомниках, где они являются продукцией товарного производства, которая продается другим организациям и гражданам. Это — хищение социалистического имущества.

Определенные трудности представляет вопрос о квалификации корыстного завладения добытыми из недр золотом, другими драгоценными металлами и драгоценными камнями.¹

Не допускается свободная добыча драгоценных металлов и драгоценных камней² из недр земли отдельными гражданами. Разработка без надлежащего разрешения частными лицами залежей драгоценных металлов и камней рассматривается как нарушение правил разработки и квалифицируется по ст. 167 УК РСФСР.³

Золото, драгоценные металлы и драгоценные камни добываются как государственными предприятиями, так и добровольными объединениями (артелями) старателей и одиночными старателями. Нет сомнений, что изъятие из недр земли

¹ Незаконная добыча гражданами таких общедоступных полезных ископаемых, как песок, гравий, щебенка, булыжник оказывает отрицательное влияние на состояние земель, лесов, а поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1978 г. „Об административной ответственности за нарушение законодательства о недрах“ за такие действия установлена административная ответственность.

² О том, какие камни и металлы относятся к драгоценным, см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. „О сделках с валютными ценностями на территории СССР“ (Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 49, ст. 712).

³ Статьи, аналогичные ст. 167 УК РСФСР, содержатся в УК Грузинской, Киргизской, Таджикской, Армянской союзных республик. УК других союзных республик такого состава не предусматривают.

и присвоение драгоценных металлов и камней, находящихся на территории государственного золотодобывающего предприятия, является хищением, независимо от того, совершил ли его работник предприятия, старатель или постороннее лицо, осведомленное о том, на какой территории оно занялось добычей.

Драгоценные металлы и камни, находящиеся в пределах территории предприятия, — это уже не естественное богатство, так как они включены в трудовой процесс и представляют собой незавершенное производство. Государство затрачивает значительные средства на изыскательские работы, подготовку разреза, сооружение шахт, промывных устройств и т. д. К территории предприятия судебная практика относит и участки, на которых еще ведется подготовка площадей к последующей эксплуатации.¹ Находка самородков (так называемое „подъемное золото“) на поверхности земли и завладение ими — также хищение социалистического имущества, так как золото находилось в сфере производственной деятельности предприятия.

Как хищение должно квалифицироваться и завладение драгоценными металлами и камнями из „отвалов“. При добыче не все драгоценные металлы и камни отделяются от земли, часть их вместе с почвой выбрасывается в „отвалы“, которые впоследствии перерабатываются вторично. Эти драгоценные металлы и камни трудом работников предприятия изъяты из естественных условий — недр земли и превращены в полуфабрикат, а потому являются социалистическим имуществом.²

Предметом хищения как преступления против социалистической собственности могут быть не только вещи, находящиеся в торговом обороте, но и изъятые из него: станки, агрегаты, грузовые автомашины и т. д.³ Так, Саратовским областным

¹ Об уголовной ответственности старателей речь пойдет далее, при рассмотрении вопроса о моменте поступления имущества в социалистический фонд.

² Более подробно о разграничении хищений и экологических преступлений см.: Ляпунов Ю. И. Соотношение экологических и смежных составов преступлений.

³ Ответственность за хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов и взрывчатых веществ и за хищение наркотических веществ предусмотрена в специальных статьях закона (ст.ст. 218¹ и 224¹ УК РСФСР). Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 20 сентября 1974 г. „О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении

судом Л., Г., З. осуждены по ст. 93 УК РСФСР за хищение государственного имущества в особо крупном размере: они похитили грузовую автомашину „Камаз“, которую затем разобрали на части.¹

Как уже отмечалось, предметом хищения могут быть вещи, обладающие экономической, хозяйственной полезностью, т. е. способные удовлетворить определенные материальные и культурные потребности человека.

Вопрос о минимальной стоимости имущества как предмета хищения является вопросом факта, поскольку имущество может менять свою ценность в зависимости от условий. Даже мелкое хищение обязательно связано с более или менее существенным ущербом, причиненным социалистической собственности. Если в конкретных условиях ценность похищенного имущества явно незначительна и деяние не причинило и не могло причинить сколько-нибудь существенного вреда, руководствуясь ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР), следует считать, что отсутствует общественная опасность деяния и оно не является преступлением.

Не являются имуществом и потому не могут быть признаны предметом хищения предметы, которые объективно не имеют никакой хозяйственной или иной ценности, т. е. отходы производства, выброшенные социалистической организацией.

В следственной и судебной практике возникают вопросы, связанные с юридической оценкой завладения оставшимся на полях после уборки урожаем, а также бревнами — „топляками“, оседающими во время сплава на дно рек, и другими подобными предметами. Конечно, это социалистическое имущество и иногда немалой ценности, но если тем лицам, которые им завладеют, известно, что повторной уборки не будет, что затопленный лес так и останется, подчас вследствие бесхозяйственности, на дне реки, захламывая дно и заражая гниением воду, что переработки „отвалов“ не предполагается и т. д., то следует считать, что отсутствует умысел на хищение,

огнестрельного оружия” подчеркнул, что пневматические ружья, сигнальные, стартовые, строительные, газовые пистолеты, ракетницы, взрывпакеты и иные имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к оружию, боевым припасам и взрывчатым веществам, а поэтому хищение их должно квалифицироваться по статьям, предусматривающим хищение социалистического имущества. Так же следует квалифицировать и хищение составных частей и отдельных деталей огнестрельного оружия (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 5).

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1982, № 3, с. 12.

на причинение ущерба социалистической собственности и такие действия не образуют состава преступления.

Но приведенное положение не следует смешивать с ситуацией, когда организация в предусмотренном нормативными актами порядке списывает определенное имущество как устаревшее для дальнейшей эксплуатации по целевому назначению, с передачей его на переработку или для других целей. Это имущество объективно могло еще не потерять хозяйственной ценности, но, исходя из целесообразности, разрешается его больше не использовать по прямому назначению. Такое имущество может быть предметом хищения.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР признала хищением содеянное Фельдманом и Босым, которые, будучи должностными лицами треста „Промтехмонтаж“, продали гр. Анискину списанный с основных средств станок — прессножницы (остаточная балансовая стоимость станка составляла 93 руб. 20 коп., но он устарел и подлежал передаче на металлолом).¹

Собственник (государство), руководствуясь хозяйственными интересами, вправе распорядиться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению: переработать, превратить в лом, передать подшефным организациям и т. д., однако это еще не значит, что такое имущество объективно потеряло ценность и им может распорядиться каждый.

Как указывалось, предметом хищения могут быть **ценные бумаги**, которые по своей сути представляют собой разновидность документов с имущественными правами.

Ценные бумаги по юридическим признакам разнообразны.² Несомненно, имуществом как предметом хищения являются бумаги, относящиеся к валютным ценностям. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. „О сделках с валютными ценностями на территории СССР“ к валютным ценностям отнесены: иностранная валюта в виде банкнот, казначейских билетов и монет, платежные документы (чеки, векселя, аккредитивы), фондовые ценности в иностранной валюте, а также банковские платежные документы в рублях, приобретенные за иностранную валюту с правом обратного обращения их в таковую. Эти ценные бумаги выполняют по экономическому назначению функцию денег как всеобщего эквивалента стоимости. Фонд валютных ценностей — состав-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 5, с. 32.

² Ляпунов Ю. Ценные бумаги как предмет хищения. — Социалистическая законность, 1982, № 9, с. 31.

ная часть единого имущественного и денежного фонда государственной собственности.

Ценными бумагами, выпускаемыми государством, по которым оно несет имущественные обязательства, являются облигации государственных займов. Их нарицательной стоимостью и определяется размер хищения. Есть и иные ценные бумаги. Для любой из них характерны такие признаки, как определенная законом установленная форма, закрепление в ней какого-либо имущественного права, невозможность осуществления этого права без предъявления ценной бумаги.

Понятием социалистического имущества охватываются только предъявительские ценные бумаги, поэтому предметом хищения, по нашему мнению, могут быть только **предъявительские ценные бумаги, выпускаемые в установленном порядке и форме уполномоченными организациями, выполняющие роль денежного эквивалента при расчетах за определенные товары.** Эта разновидность ценных бумаг имеет номинальную стоимость, выполняет роль денег, но в отличие от последних они принимаются как средство платежа только в определенных организациях и за определенные товары.

К такого рода ценным бумагам относятся банковские платежные документы в рублях, приобретенные гражданином за иностранную валюту, но без права обращения их в таковую, которые принимаются в уплату за товары в специализированных магазинах „Внешпосылторга“, талоны на бензин и горюче-смазочные материалы единого государственного и рыночного фонда, являющиеся средством платежа за эти товары.

О талонах на бензин и горюче-смазочные материалы как имуществе (предмете хищения) говорится в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. „О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте“,¹ а также в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 ноября 1981 г., которым внесены дополнения в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества“.²

В судебной практике возник вопрос, должны ли талоны единого государственного фонда на бензин и горюче-смазочные материалы для того, чтобы быть признанными платеж-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 4.

² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 1.

62395

ными документами — ценными бумагами, содержать оттиск печати организации — получателя нефтепродуктов или для признания хищения окончательным это значения не имеет. Данный вопрос обсуждался Верховным Судом РСФСР в связи с делом по обвинению Зубаненко,¹ который из помещения почтамта похитил посылку с 2000 талонов на 100 тыс. литров бензина общей стоимостью 15 тыс. рублей. Зубаненко продавал талоны по более дешевой цене на автозаправочные станции. Похищенные талоны не имели штампов нефтебазы.

Верховный суд РСФСР признал, что указанные талоны даже без оттиска печати организации — получателя нефтепродуктов являются ценными бумагами и хищение их следует рассматривать как окончательное преступление. В обоснование такого решения Верховный Суд РСФСР сослался на Инструкцию Союзглавнефти и Госбанка СССР от 15 апреля 1964 г. о порядке хранения единых талонов наравне с денежными документами и о полной материальной ответственности за их недостачу, независимо от наличия печати организации — получателя нефтепродуктов. Ростовское Управление Госкомнефтепродуктов РСФСР, которому была направлена посылка, оплатило талоны, а поэтому хищением их причинен реальный ущерб в размере стоимости нефтепродуктов, обозначенных в этих документах.²

Отвечая, на наш взгляд, признакам ценной бумаги, т. е. являются имуществом, почтовые марки, которые представляют собой, с одной стороны, документ, удостоверяющий право владельца на почтовую услугу, а с другой — коллекционный товар, и цена марки как товара соответствует ее продажной цене как знака почтовой оплаты. К ценным бумагам судебная практика относит и различного рода лотерейные билеты, поскольку выпускаемые уполномоченными на то организация-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 9, с. 9.

² С приведенным решением, на наш взгляд, согласиться нельзя. Такая ценная бумага, как талон на нефтепродукты, потому является имуществом как предметом хищения, что она выполняет роль денег в ограниченной сфере: в любом пункте Советского Союза ею можно рассчитаться за бензин. Неоформленный талон такую функцию выполнять не может. Инструкция Союзглавнефти и Госбанка СССР решает вопрос о материальной ответственности, который, на наш взгляд, не должен определять квалификацию преступления. Кроме того, в п. 8¹ постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. (в редакции от 27 ноября 1981 г.) талоны на горючее или на смазочные материалы отнесены к предмету хищения, поскольку они дают непосредственное право на получение горючесмазочных материалов. Понятно, что талоны, не заверенные печатью организации-получателя, такого права не дают.

ми такие билеты обеспечены массой социалистического имущества, гарантия которого распространяется на каждый билет, ибо возможность выигрыша у всех билетов одинакова. Размер хищения определяется исходя из продажной цены лотерейных билетов.

Бондарев и Черевков были осуждены за хищение государственного имущества в особо крупном размере. Проникнув в сберкасса, они похитили из сейфа деньги, облигации 3% займа и билеты денежно-всцевой лотери. Всего на сумму 11 513 руб.¹

В упоминавшемся постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г., рассмотревшего вопросы квалификации хищений на транспорте, к ценным бумагам приравнены абонементные книжки, проездные и единые билеты на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящиеся в обращении как документы, удостоверяющие оплату транспортных услуг. Хищение их должно квалифицироваться как оконченное хищение государственного имущества.²

Билеты для проезда на железнодорожном, воздушном, водном, автомобильном транспорте или другие знаки, которые могут быть использованы по назначению лишь после внесения в них дополнительных данных (заполнение текста, скрепление печатью, компостирование), билеты, предназначенные для продажи через кассовые аппараты трамваев, троллейбусов и других городских транспортных средств, цен-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 126. См. также: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 1, с. 6.

² Правильность отнесения перечисленных документов к ценным бумагам вызывает сомнения. Как известно, денежные знаки сами по себе не имеют стоимости, они лишь заменяют собой золото, являясь его представителем в обращении. Деньги — всеобщая эквивалентная форма стоимости всех товаров, всеобщее орудие обмена. Выпускаемая в обращение масса денежных знаков в СССР обеспечена государственным золотым запасом и всем народным достоянием. Именно вследствие этих свойств денежные знаки входят в понятие имущества как предмета хищения. Представляется, что имуществом следует считать в рассматриваемом аспекте только такие бумаги имущественного характера, которые так же, как и деньги, но в ограниченной сфере, обладают названными свойствами. За ними стоит масса определенного вида товаров, находящихся в социалистическом фонде, которые могут отсюда беспрепятственно перейти к предьявителю, поскольку ввиду территориальной неограниченности операций с такими бумагами это практически не может быть контролируемо. Не случайно в п. 8¹ постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 ноября 1981 г. речь идет только о талонах на горячее или смазочные материалы, которые отнесены к ценным бумагам, а абонементные книжки, проездные и единые билеты не упоминаются.

ными бумагами, а следовательно и имуществом, не являются (см. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г.). Это только документы или бланки.

Если при хищении таких билетов преследовалась цель их последующей реализации через уполномоченных на то работников транспорта (касси́ров, кондукторов, приемщиков багажа) и присвоения вырученных от продажи средств, то хищение билетов следует квалифицировать как похищение документов и приготовление к хищению государственного имущества — денег, а в случае частичной или полной реализации — соответственно как покушение либо оконченное преступление.

Хищение билетов, совершенное с целью использования их по назначению как средства оплаты транспортных услуг, надлежит квалифицировать как похищение документов или бланков и приготовление к причинению имущественного ущерба государству путем обмана, т. е. по ст.ст. 195 и 15, 94 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случае их фактического использования — по ст.ст. 195 и 94 УК РСФСР. Точно так же должен решаться вопрос о квалификации хищения билетов на различного рода зрелищные мероприятия.

При использовании похищенных билетов государство терпит ущерб в виде неполучения плановой прибыли: услуга оказана, а оплата не последовала, однако наличный фонд социалистического имущества не уменьшился (см. об этом подробнее в следующем параграфе).

Хищение разного рода документов, удостоверяющих имущественные права (квитанции камеры хранения, ломбардная квитанция, накладные и т. д.), представляет собой похищение документов, ответственность за которое предусмотрена ст. 195 УК РСФСР. Если эти документы похищены с целью последующего получения по ним имущества, то содеянное квалифицируется по совокупности: хищение документа и приготовление к хищению имущества путем мошенничества.

На наш взгляд, как документы должны рассматриваться и профсоюзные марки, марки ДОСААФ и др., которые по существу являются документами, подтверждающими факт уплаты соответствующих взносов, а не имуществом.

Поскольку объект посягательства при хищении — не само государственное или общественное имущество, а государственная или общественная собственность, то возможны ситуации, когда преступник фактически завладевает личным имуществом граждан, но объектом посягательства все равно

остается социалистическая собственность. Так будет в случаях, когда личное имущество передано под материальную ответственность и в ведение государства на хранение, для пересылки, перевозки и т. д., о чем известно преступнику.¹ Передача под материальную ответственность социалистической организации личного имущества не тождественна обязанности этой организации возместить гражданину материальный ущерб за утраченное имущество. Возмещение материального ущерба государственной организацией имеет место, в частности, и тогда, когда похищено личное имущество из квартиры гражданина, заключившего договор с органами вневедомственной охраны МВД, однако нет сомнений в том, что данное преступление квалифицируется как кража личного имущества. Таким образом, установление обязанности государственной организации возместить ущерб недостаточно для квалификации преступления как хищения социалистического имущества. Должен быть в наличии и другой признак, а именно: имущество граждан, за сохранность которого несет материальную ответственность социалистическая организация, территориально должно находиться в том месте, на которое распространяются оперативно-распорядительные функции организации. Это относится к гостиницам, общежитиям, домам отдыха, санаториям, которые, в соответствии со ст. 429 ГК РСФСР, несут материальную ответственность за сохранность личного имущества проживающих (кроме ценностей, подлежащих сдаче на хранение). В следственной и судебной практике не уделяется должного внимания доказыванию того, что похититель сознавал, какому объекту он причиняет ущерб, т. е. что личное имущество, которое он похищает, находится на соответствующей территории и под материальной ответственностью социалистической организации. При проникновении в закрытую комнату гостиницы, общежития, дома отдыха и совершении оттуда кражи личных вещей проживающих вор, как правило, сознает, что социалистическая организация ответственна за оставленные постояльцами вещи. Что же касается случаев совершения кражи лицами, на законном основа-

¹ В п. 5 „е“ постановления Пленума Верховного Суда БССР от 5 июля 1985 г. „О судебной практике по делам о похищениях личного имущества граждан“ указывается: „Похищение личного имущества, находящегося в ведении государственной или общественной организации, которая несет ответственность за сохранность этого имущества, если виновный сознает это, представляет собой посягательство на социалистическую собственность“.

нии присутствующими в месте нахождения вещей (постояльцами друг у друга, их гостями и т. д.), то нет оснований считать, что их умыслом охватывается факт причинения материального ущерба социалистической собственности.

Лукьянцев был осужден по ст. 89 УК РСФСР за хищение государственного имущества: он похитил личные вещи проживающих в общежитии граждан. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по этому делу указала, что действия Лукьянцева следует квалифицировать как кражу личного имущества граждан, так как осужденный Лукьянцев и потерпевшие Мишин и Никитин проживали в одном общежитии и имели возможность своим ключом открывать другие комнаты. Этим Лукьянцев и воспользовался, заведомо зная, что похищает вещи потерпевших.¹

Если государственная или общественная организация не несет материальной ответственности за личное имущество и преступнику известно, что он похищает личное имущество, квалификация по статьям о хищении социалистического имущества не должна иметь места.

Например, если преступник получил в гардеробе пальто по чужому номеру или для получения багажа воспользовался чужими жетонами или квитанциями, содеянное не может быть квалифицировано как хищение социалистического имущества, так как организация не несет материальной ответственности за передачу имущества по документам на предъявителя.

При решении вопроса о материальной ответственности организации за личное имущество следует руководствоваться ведомственными инструкциями, изданными на основе закона. Так, баня за пропажу денег и ценных вещей, не сданных на специальное хранение работнику бани, ответственности не несет. Согласно Типовым правилам внутреннего распорядка в студенческих общежитиях высших учебных заведений Министерства высшего и среднего специального образования СССР, проживающие обязаны сдавать в камеру хранения личные вещи, ящики, чемоданы и другие предметы, которые не требуются повседневно. За несданные на хранение вещи администрация ответственности не несет.² Из временной Инструкции по эксплуатации автоматических камер хранения,

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 1, с. 8.

² Правила пользования баней, утвержденные Приказом Министра коммунального хозяйства РСФСР 10 февраля 1954 г., п. 6; Приказ Министра среднего и высшего специального образования СССР от 25 декабря 1967 г. № 816 „Об утверждении Положения о студенческих общежитиях и Типовых правил распорядка в студенческих общежитиях высших учебных заведений Министерства высшего и среднего специального образования». — Бюллетень высшего и среднего специального образования СССР, 1968, № 3, март.

утвержденной пассажирским управлением Министерства путей сообщения 1 августа 1966 г., следует, что железная дорога не несет материальной ответственности при похищении вещей из камеры, если пассажир не сохранил тайну шифра.

По рассматриваемым вопросам определенный интерес представляет дело Вильчинского и указания, данные по этому делу военной коллегией Верховного Суда СССР. Вильчинский в вагоне поезда нашел три аккредитива с контрольными листками, утерянные Горожанкиным. Получив в воинской части бланки доверенности, он подделал их от имени Горожанкина и получил в сберкассе 1500 руб. Первоначально содеянное Вильчинским было квалифицировано как хищение путем мошенничества государственного имущества, ибо деньги, принадлежащие Горожанкину, временно находились в ведении государственной организации. Военная коллегия Верховного Суда СССР, возвращая дело на дополнительное расследование, обратила внимание на следующие обстоятельства:

1. Сберегательная касса не несет перед владельцем аккредитива материальной ответственности, если утрачены обе части аккредитива, однако следственные органы не выяснили, существуют ли какие-либо разъяснения по поводу ответственности сберкасс в случае выплаты ими денег по ненадлежаще оформленным доверенностям, что имело место в данном деле (поддельные доверенности не имели всех необходимых реквизитов).

2. При расследовании дела не выяснялась субъективная сторона совершенного Вильчинским преступления. Если виновный сознавал, что материальную ответственность перед собственником аккредитива будет нести государство, то его действия надлежит квалифицировать как хищение государственного имущества; если же его сознанием охватывалось наличие обстоятельств, которые исключают ответственность государства, то он, в соответствии с направленною умысла, должен нести ответственность за посягательство на личную собственность. Если же виновный, не зная условий ответственности сберегательной кассы перед собственником аккредитива, допускал как свою личную ответственность, так и ответственность государства, то квалификация его действия должна определяться в соответствии с фактически наступившими последствиями.¹

Государственное имущество, если оно передано во владение объединениям граждан, остается государственной собственностью.

В следственной и судебной практике встречаются случаи совершения краж из церквей. Решая вопрос о квалификации в таких ситуациях, следует иметь в виду положения декрета СНК РСФСР от 29 января 1918 г. „Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. „О религиозных объединениях”. Согласно этим документам, государственным имуществом признаются молитвенное здание и культовое имущество, в том числе и полученное в качестве пожертвования от прихожан или приобретенное на пожертвованные ими средства (все предметы из драгоценных металлов и камней, предметы,

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 1, с. 30.

имеющие историческое, художественное и музейное значение, иконы, облачения, хоругви и т. п.). Не являются социалистической собственностью ладан, свечи, лампадное масло, вино для причастия и другие предметы, приобретенные церковью для выполнения религиозных обрядов, денежные средства, складывающиеся из пожертвований верующих и предназначенные для оплаты священнослужителям и поддержания в надлежащем состоянии церкви. При похищении таких предметов действия квалифицируются по статьям о похищении личного имущества со ссылкой на ст. 151 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик.

Как вытекает из ст. 101 УК РСФСР, хищение может быть направлено и против государственной или общественной собственности других социалистических государств, если похищено их имущество, находящееся на территории СССР.

Если на территории СССР похищено имущество, принадлежащее фирмам несоциалистических государств, то в соответствии со ст. 151 УК РСФСР содеянное должно квалифицироваться как преступление против личной собственности, за исключением тех случаев, когда советское государство несет материальную ответственность за сохранность такого имущества, о чем было известно преступникам, либо им было безразлично, кому причиняется ущерб их действиями.

В следственной и судебной практике не всегда правильно решается вопрос о квалификации, когда со стороны лица, совершившего хищение, имела место ошибка в объекте: умысел преступника был направлен на хищение социалистического имущества, а оказалось, что это имущество личное, о чем он не знал. При такой ситуации решающее значение для квалификации имеет направленность умысла: содеянное должно квалифицироваться как покушение на хищение социалистического имущества.¹

В. проникла в помещение конторы сельпо и похитила товаров на сумму 320 руб., считая, что все они собственность сельпо, однако основная часть товаров принадлежала работникам конторы, а стоимость общественного имущества составляла 10 руб. Действия В. должны быть квалифицированы по ст. 15 и ч. 3 ст. 89 УК РСФСР как покушение на хищение общественного имущества в значительном размере с проникновением в помещение.

¹ Покушение, а не оконченное хищение потому, что охраняемому объекту — социалистической собственности — ущерба не причинено, а ущерб личной собственности не охватывался умыслом.

Понятие незаконного безвозмездного изъятия имущества из владения социалистических организаций

Хищение предполагает причинение материального вреда (ущерба, убытков) фондам социалистической собственности. Право различает два вида материального вреда (ущерба): реальный, положительный ущерб в имуществе и неполученные доходы (ст. 36 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 219 ГК РСФСР). Ущерб, убытки, выразившиеся в уменьшении наличного имущества владельца в результате его утраты или повреждения являются реальным ущербом в имуществе. Неполученные доходы представляют собой ту сумму, на которую могло и должно было увеличиться имущество потерпевшего, если бы не было правонарушения.¹

При хищении, каким бы способом оно ни было совершено, всегда происходит причинение реального ущерба наличному фонду социалистической собственности. Государственные и общественные организации, предприятия, учреждения фактически утрачивают материальные ценности, на которые до начала преступных действий существовало право социалистической собственности, т. е. в случаях, квалифицируемых как хищения, происходит уменьшение общей массы социалистического имущества.²

Реальный ущерб имеет место и при уничтожении, порче, поломке, износе имущества, использовании его не по назначению. Однако понятием хищения охватываются лишь случаи причинения реального ущерба путем незаконного безвозмездного изъятия, когда преступник активными действиями, тем или иным способом изымает, извлекает имущество из владения социалистических организаций, стремясь обратить его в свою собственность или в собственность других лиц, что и приводит к уменьшению наличных фондов материальных ценностей социалистических организаций и соответственно к незаконному обогащению преступника в размере стоимости

¹ Советское гражданское право, 2-е изд., ч. 2. Л., 1982, с. 300.

² Как сказано выше, предметом хищения может быть и личное имущество граждан, если оно находится во владении социалистических организаций и последние несут за его сохранность материальную ответственность.

изъятого имущества. Итак, изъятие имущества из материальных фондов социалистических организаций — необходимый объективный признак хищения.

Следует подчеркнуть, что при хищении происходит реальное уменьшение объема материальных ценностей не только отдельных организаций, а и всего фонда социалистической собственности в целом. Имущество изымается из владения государственных или общественных организаций и переходит во владение отдельных лиц, вследствие чего и уменьшается фонд социалистического имущества. Если же имущество из одной государственной или общественной организации незаконно перемещается в другую, то уменьшения фонда социалистического имущества не происходит и, следовательно, отсутствует такой признак хищения, как изъятие имущества из социалистических фондов.

Электросварщик одного из строительных управлений К., проникнув на территорию завода, изъяс из контейнера 25 шт. электродов на сумму 52 руб. в связи с чем был задержан. К. пояснил, что взял электроды для использования их по месту своей работы, поскольку имевшиеся там были низкого качества. Приговором Красногорского районного народного суда Свердловской области он был оправдан по обвинению в хищении социалистического имущества. Районный прокурор принес кассационный протест, но прокурор области протест снял.¹ Другой пример. Совхозные механик и тракторист приехали на тракторный завод по служебным делам. Тракторист, работавший ранее на этом заводе, зашел в цех и взял там запасные части для трактора, которые хотел использовать на закрепленном за ним тракторе, находившемся в неисправном состоянии. И в этом случае содеянное не является хищением, поскольку изъятия имущества из фонда социалистической собственности не произошло. К тому же лица, совершившие изъятие имущества из одной социалистической организации с перемещением в другую, не преследовали корыстной цели.

Заметим однако, что при определенных обстоятельствах подобное незаконное самовольное перемещение социалистического имущества может преследоваться в уголовном порядке как самоуправство, злоупотребление властью или служебным положением, разуклоплектование сельскохозяйственной техники, уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, конечно, при наличии в содеянном всех признаков составов этих преступлений. Так, Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 15 ноября 1984 г. „О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укреплении государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса” указал, что незаконный демонтаж сельскохозяйственных ма-

¹ Советское государство и право, 1974, № 8, с. 79—80.

шин для использования снятых деталей, узлов в том же или ином хозяйстве, осуществленный колхозниками, рабочими и служащими совхозов и других государственных и общественных организаций, независимо от того, закреплена ли за ними техника, а также и посторонними лицами без цели хищения, следует квалифицировать по ст. 99¹ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (разукрупление сельскохозяйственной техники). Если же это сделано с целью обращения снятых деталей и узлов в свою собственность или собственность других лиц, содеянное является хищением социалистического имущества.¹

От изложенной нужно отличать ситуации, когда имущество тоже перемещается из одной социалистической организации в другую, но действия виновных лиц должны квалифицироваться как хищение. Анализ практики, писем практических работников, поступающих в Институт, и вопросов, задаваемых слушателями, позволяет обобщенно назвать следующие случаи: 1) сокрытие недостачи за счет имущества, изымаемого из другой организации; 2) изъятие социалистического имущества с целью продажи его другой организации; 3) незаконное завладение строительными материалами, денежными средствами с целью расходования их на ремонт квартиры и т. п. в домах государственного и общественного жилищного фонда.

Скотник совхоза, зная о недостатке в закрепленном за ним гурте скота, с целью ее сокрытия тайно перегоняет несколько голов скота из гурта, принадлежавшего другому совхозу. На наш взгляд, если субъект является материально ответственным лицом и должен был своими средствами возмещать недостачу, он в этом и подобных случаях совершает хищение. Руководствуясь корыстными побуждениями, он незаконно завладевает социалистическим имуществом и распоряжается им как своим собственным, возмещая недостачу.

Такой же ход рассуждения допустим и в ситуациях, когда субъект изымает социалистическое имущество, имея в виду продать его какой-либо другой государственной или общественной организации. Совершив изъятие, он фактически уже осуществил посягательство на отношения социалистической собственности, поставил себя на место собственника, руководствуясь корыстными побуждениями, т. е. выполнил окончательный состав хищения.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1985, № 1, с. 7.

По одному из дел, рассмотренных судебной коллегией Верховного Суда РСФСР, установлено, что Мукба с целью заготовки крупного рогатого скота прибыл в Улунский район Карачаево-Черкесской области, где уговорил старшего гуртоправа откормсовхоза „Горный” Чомаева продать из совхозного гурта несколько голов бычков. Чомаев, похитив из вверенного ему гурта 10 бычков стоимостью 4979 р. 10 к., продал их Мукбе за 7000 руб. Затем Мукба уговорил скотника совхоза „Черкесский” Батгаева похитить и продать ему пять телок стоимостью 2283 руб. за 3000 руб. Чомаев и Батгаев осуждены за хищение государственного имущества, а Мукба за соучастие в этом преступлении.¹

Для квалификации деяния как хищения необходимо однако, чтобы имущество изымалось из социалистического фонда. Если же, допустим, должностное лицо незаконно за вознаграждение перечисляет, передает какое-либо социалистическое имущество другой организации, на наш взгляд, оно виновно не в хищении, а в злоупотреблении служебным положением и в получении взятки.

По одному уголовному делу было установлено следующее. Председатель колхоза в конце сезона уборки табака, убедившись, что колхоз не сможет выполнить план сдачи табака государству, договорился с агрономом местного табакфермзавода о незаконной, без документов доставке с завода в колхоз более 5 тонн табака на сумму 14 тыс. руб. Затем этот табак был сдан заводу в счет выполнения колхозом государственного плана. За оказанную услугу агроному завода было выплачено 3950 руб. из средств колхоза, а в оправдание этой суммы составлена фиктивная ведомость на выплату денег колхозникам.

Представляется, что квалификация данной „операции” как хищения табака и включение его стоимости в размер хищения было бы неверным. Имущество (табак) не похищалось, а просто переходило из владения одной социалистической организации к другой. „Доставая” для колхоза табак, агроном завода совершил ряд действий с использованием своего служебного положения и получил за это вознаграждение в сумме 3950 руб., заведомо зная, что оно выплачивается из средств колхоза. В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. „О судебной практике по делам о взяточничестве”² его действия нужно квалифицировать как получение взятки и хищение денег. Председатель колхоза отвечает за дачу взятки и хищение денежных средств по той же статье, что и агроном. Кроме того, совершив незаконную „операцию” с табаком, они оба виновны в злоупотреблении служебным положением.

Нередко на практике возникает вопрос о квалификации действий лиц, которые незаконно завладевают различными строительными и отделочными материалами (линолеум, паркет, краска, белила, отделочная плитка и т. п.) и используют их для ремонта своих квартир в домах государственного или общественного жилого фонда. Несомненно, что подобные действия должны расцениваться как хищение, тем более, что по

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 5, с. 6.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977, ч. 2. М., 1978, с. 241.

советскому жилищному законодательству (ст. 47 Основ жилищного законодательства Союза СССР и союзных республик) граждане — наниматели жилых помещений должны производить их текущий ремонт за свой счет.¹

Как уже было сказано, действия, связанные с причинением материального ущерба не путем реального изъятия и завладения социалистическим имуществом, а причинившие ущерб в виде так называемых „неполученных доходов”² в результате непоступления, неполучения социалистическими организациями причитающихся им материальных средств, хищениями считаться не могут. Это обстоятельство надо иметь в виду во многих случаях разграничения хищений социалистического имущества от причинения имущественного ущерба государству или общественным организациям путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94 УК РСФСР), корыстного злоупотребления властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР) и некоторых других преступлений.

Так, нет хищения, когда субъект уклоняется от уплаты государству должного в силу закона или подзаконного акта в виде налогов, страховых сборов, госпошлины и иных обязательных платежей. Представим, что гражданин, не имевший права на получение пенсии, предъявил фиктивный документ о наличии необходимого трудового стажа и стал незаконно получать пенсию. Эти действия содержат в себе все необходимые признаки хищения, так как являются умышленным и безвозмездным изъятием социалистических денежных средств. Другой гражданин представил фиктивный документ о рождении ребенка, и с него перестали удерживать налог, взимаемый с холостяков и малосемейных. В последнем случае отсутствуют признаки хищения, так как субъект не изымает социалистического имущества, а лишь уклоняется от уплаты должного государству, причиняя тем самым, конечно, определенный имущественный ущерб. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР указал, что причинение государству имущественного ущерба в результате уклонения от уплаты налогов или других обязательных платежей путем использования заведомо подложных документов должно квалифицироваться по

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1983, с. 188.

² Иногда подобный ущерб называют „упущенной выгодой”. См. об этом: Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977, с. 47—50; Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979, с. 93.

ст. 94 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в тех союзных республиках, УК которых не содержат подобной статьи, — как использование заведомо подложного документа (п. 20 постановления от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества“).¹

Павлюк, сдававший в наем гражданам свою жилую площадь, сообщал инспектору райфинотдела неверные сведения о количестве нанимателей и размерах полученной с них платы. В результате с Павлюка вместо причитающейся суммы налога в размере 1278 руб. было удержано только 98 руб. Своими действиями он причинил имущественный ущерб, но без признаков хищения.

Отсутствуют признаки хищения и в тех случаях, когда субъект уклоняется от оплаты той или иной услуги, оказанной ему государством или общественной организацией, не изымая при этом никакого имущества из владения социалистических организаций. Сюда относятся уклонение от оплаты пользования транспортными средствами, жилым помещением, коммунальными услугами (водоснабжение, газ, электрическая и тепловая энергия), различных зрелищ, бытовых услуг и т. п. При наличии соответствующих признаков подобные действия могут квалифицироваться как причинение имущественного ущерба (убытков) путем обмана или злоупотребления доверием, использование поддельных документов, злоупотребление служебным положением.

Наконец, имущественный ущерб причиняется, но признаки хищения отсутствуют в случаях использования не по назначению, в личных интересах для извлечения материальной выгоды имущества, находящегося в ведении или распоряжении того или иного субъекта, без изъятия этого имущества. Данное имущество (автомшины, строительная и иного рода техника и механизмы) используется частным образом для выполнения различных работ, перевозок грузов или пассажиров и т. п. При этом происходит изнашивание машин и механизмов, используются горюче-смазочные материалы, электроэнергия и т. п., но изъятия имущества и обращения его в собственность частных лиц в прямом смысле слова не происходит.

В п. 8 уже упоминавшегося постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 г. „О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укреплении государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977, ч. 2, с. 160.

агропромышленного комплекса" указывается, что использование из корыстной или иной личной заинтересованности колхозниками, рабочими или служащими совхозов и иных государственных или кооперативных организаций сельскохозяйственной техники (автомобилей, тракторов, самоходных машин и др.) путем обмана или злоупотребления доверием, причинившее имущественный ущерб государству или общественной организации, следует квалифицировать не как хищение, а по ст. 94 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, если законодательством союзных республик не установлена специальная ответственность за такое деяние.¹

По одному из дел было установлено, что начальник строительного участка треста 105 „Главленинградстроя“ Поляков и начальник участка Управления механизации № 10 того же треста Холин дали согласие членам правления товарищества садоводов „Нева“ произвести земляные работы по устройству водоемов на участке, отведенном товариществу. Правление не заключало договора на выполнение работ с Управлением механизации. Впоследствии он был заключен с Поляковым как с частным лицом. Злоупотребив служебным положением, Холин и Поляков сняли с объекта экскаватор, принадлежащий участку Управления механизации № 10, и направили его в товарищество „Нева“. С целью создания видимости законного использования экскаватора Холин попросил правление товарищества перевести Управлению механизации 200 руб., а также составил сменные рапорты об использовании экскаватора в товариществе садоводов в течение 56 часов. На остальные дни работы экскаватора Холин составил фиктивные рапорты о его использовании на строительных объектах, закрепленных за Поляковым. За работы правление товарищества выплатило Полякову 4300 руб. 200 руб. было передано бригаде, обслуживающей экскаватор, за сверхурочную работу. Остальную сумму Поляков и Холин поделили между собой. Верховный Суд РСФСР, подчеркнув, что умысел преступников был направлен не на хищение денежных средств, принадлежащих тресту № 105 „Главленинградстроя“, а на извлечение выгоды за счет незаконного использования находившегося в их распоряжении экскаватора, признал их виновными в злоупотреблении служебным положением.²

Итак, для обвинения в хищении необходимо установить, что преступник путем изъятия завладел имуществом, которое к данному моменту находилось в фондах социалистических организаций, т. е. уже вошло в этот материальный фонд и еще из него не вышло. Поэтому большое значение имеет определение момента возникновения права социалистической собственности на соответствующее имущество и момента поступления данного имущества во владение социалистической организации, которые могут не совпадать. В частности, решение по вышеизложенному делу как раз и зависело от того, можно

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1985, № 1, с. 8.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 4, с. 14.

ли считать деньги, переданные Полякову и Холину, принадлежащими социалистической организации или нет.

Основания возникновения права социалистической собственности на имущество многочисленны и разнообразны. Это социалистическая национализация, создание материальных ценностей в ходе производственной деятельности (выпуск продукции предприятием и т. п.), отделение плодов (сбор урожая фруктов, приплод животных и т. п.), различные налоги, сборы, пошлины и штрафы, конфискация и реквизиция имущества, обнаружение клада, не востребовање находки, безнадзорного и пригульного скота, совершение сделок, по которым имущество переходит в собственность социалистических организаций (договор купли-продажи, оплата бытовых и коммунальных услуг и т. д.), уплата вступительных и членских взносов в общественных организациях и др.

В связи с различными основаниями возникновения права социалистической собственности по-разному решается вопрос и о моменте возникновения данного права на то или иное имущество. Так, материальные ценности, произведенные в государственных или общественных предприятиях, становятся социалистической собственностью и оказываются во владении (фондах) социалистических организаций с момента их изготовления в силу того, что они созданы с помощью средств производства (сырье, орудия труда, источники энергии, труд рабочих), принадлежащих социалистическим организациям или ими оплачиваемых. Поэтому завладение продукцией, созданной таким образом на социалистическом предприятии, является хищением социалистического имущества независимо от того, учтена, оприходована эта продукция или нет. Напротив, если продукция создана хотя и на государственном предприятии, но с использованием сторонних рабочих, оплачиваемых в частном порядке, из сырья, не принадлежащего социалистической организации, и т. д., то право социалистической собственности на данную продукцию не возникает. Это обстоятельство принимается во внимание при отграничении хищений неучтенной продукции от случаев частнопредпринимательского производства неучтенной продукции (см. об этом ниже).

Так же решается вопрос о моменте возникновения права социалистической собственности и включении имущества в фонды социалистической организации в случаях завладения преступниками предметами, извлеченными из естественного

состояния с затратой труда работников государственных или общественных организаций.

Фатеев и Трегубов, перевоза выловленную рыбу с рыбоудья реки Лямы на рыбоучасток, в пути следования продали Сафроновой 100 кг рыбы на сумму 64 руб. По мнению народного суда и Президиума Ханты-Мансийского окружного суда, их действия следовало квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР, так как выловленная рыба до сдачи на приемный пункт не является государственной собственностью. Однако Верховный Суд РСФСР указал на неправильность этого вывода. Фатеев и Трегубов — рыбаки государственного лова. Предприятие предоставило им орудия лова, спецодежду, транспорт, они получали гарантированную заработную плату. Поэтому вся пойманная рыба становится государственной собственностью не с момента ее сдачи на приемный пункт, а с момента ее вылова¹.

По этим же основаниям как хищение должно квалифицироваться присвоение рыбы, незаконно выловленной рыбаками государственного лова или рыболовецкими колхозами сверх установленного им лимита добычи.

В некоторых союзных республиках установлена административная и уголовная ответственность за уклонение от обязательной сдачи государству добытых охотой шкурок ценных видов пушных зверей (ст. 166¹ УК РСФСР, ст. 163¹ УК Казахской ССР и др.). Однако при уклонении от сдачи шкурок зверей, добытых охотниками, работающими в охотничьих колхозах и совхозах, ответственность, на наш взгляд, должна наступать за хищение социалистического имущества. Правильно пишет по этому поводу Ю. И. Ляпунов: „Штатные охотники госпромхозов, ведущие добычу пушнины на основаниях, обусловленных трудовыми отношениями между работниками и социалистическим предприятием, ничем по существу не отличаются от рабочих заводов и фабрик, рыбаков гослова, создающих своим трудом определенную продукцию. Произведенная рабочими продукция всегда признается государственной собственностью, а ее корыстное изъятие из владения социалистического предприятия — хищением социалистического имущества. Понятно, что эти единые основания уголовной ответственности в полной мере должны распрост-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1963—1972 г.г. М., 1974, с. 163. — Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 7 июля 1983 г. „О практике применения судами законодательства об охране природы“ (п. 10) указал, что действия лиц, виновных в незаконном завладении рыбой, водными животными, отловленными колхозами, совхозами и другими предприятиями и организациями, подлежат квалификации как хищение государственного или общественного имущества (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 4).

раняться и на упомянутые незаконные действия штатных охотников госпромхозов в отношении добытой ими продукции охотничьего промысла".¹ Надо полагать, что эти рассуждения справедливы по отношению не только к штатным охотникам госпромхозов, но и ко всем другим работникам государственных и общественных организаций и предприятий, добывающих различные богатства природы в ходе своей трудовой деятельности.

Особую сложность в связи с рассматриваемым вопросом вызывает квалификация действий старателей, присваивающих добытое ими золото. Верховный Суд СССР в обзоре судебной практики по применению законодательства при рассмотрении уголовных дел о хищении и незаконной добыче золота отметил, что суды иногда допускают ошибки, квалифицируя присвоение золота членами артелей старателей в отличие от тех же действий, совершенных работниками государственных приисков, как нарушение правил сдачи государству добытого золота (ст. 167 УК РСФСР). Между тем, как сказано в том же обзоре, „добыча золота артелями старателей является одной из форм государственных разработок недр, осуществляемой по договорам с горнодобывающим предприятием и под его контролем. Условия производственной деятельности членов артелей старателей и работников государственных предприятий сходны между собой, труд тех и других носит коллективный характер, при этом применяется принадлежащая государству техника и производятся другие затраты государственных средств. Все это дает основание для вывода о том, что золотосодержащее сырье с момента извлечения его из недр становится государственной собственностью”.²

В определении по делу Гетмана и других судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что обвиняемые не были вольноприносителями, а работали в старательской артели, входящей в горнообогатительный комбинат, где применялась техника комбината, и все

¹ Ляпунов Ю. И. Соотношение экологических и смежных составов преступлений. — Советская юстиция, 1984, № 11, с. 11. См. также: Кокшаров С. Отграничение хищений социалистического имущества от преступлений в области использования природных богатств. — Советская юстиция, 1967, № 10, с. 12.

² Применение законодательства при рассмотрении уголовных дел о хищении и незаконной добыче золота (Обзор судебной практики). — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 2, с. 32—33. Более подробно по этому вопросу см.: Ляпунов Ю. И. Драгоценные металлы как предмет преступления. — Социалистическая законность, 1981, № 7, с. 33—35.

найденное золото обязаны были сдать в кассу артели. Утайка ими золота является хищением.¹

В соответствии с гражданским законодательством (ст. 148 ГК РСФСР) клад поступает в собственность государства и должен быть сдан обнаружившим его лицом финансовым органам. Моменты возникновения права социалистической собственности и обнаружения клада совпадают. Однако обнаруженный клад еще не находится во владении конкретных социалистических организаций, поэтому в случаях утайки клада отсутствует признак изъятия имущества из материального фонда социалистической организации. Виновный в подобных действиях подлежит ответственности не за хищение, а за присвоение найденного социалистического имущества (ст. 97 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Согласно ст. 144 ГК РСФСР, нашедший потерянную вещь обязан сдать ее в милицию, в исполком сельского Совета либо администрации соответствующего предприятия или учреждения, если вещь найдена там или на транспорте. Невостребованная в течение 6 месяцев находка переходит в собственность государства, чем и определяется момент возникновения права государственной собственности. Бездзорный и пригультый скот передается милицией или исполкомом сельского Совета на содержание и в пользование ближайшему совхозу или колхозу (ст. 147 ГК РСФСР). При необнаружении собственников в установленные сроки (6 месяцев со дня передачи, если бездзорным оказался рабочий или крупный рогатый скот и его молодняк, и 2 месяца для мелкого скота и его молодняка) скот безвозмездно поступает в собственность колхоза или совхоза. Однако и до истечения названных сроков случаи незаконного и безвозмездного завладения этими вещами или скотом, находящимся на ответственном хранении социалистических организаций, должны квалифицироваться как хищение социалистического имущества, если факт ответственного хранения осознавался преступником.

Определяя момент возникновения права социалистической собственности при совершении сделок купли-продажи, оплаты различных коммунальных, бытовых, транспортных услуг и по другим договорам, следует руководствоваться положением, сформулированным в ст. 30 Основ гражданского зако-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 118.

нодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 135 ГК РСФСР), согласно которому право собственности у приобретателя имущества возникает с момента передачи вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. Передачей же вещи признается вручение ее приобретателю.

Поэтому право социалистической собственности на различное имущество граждан в силу совершения ими каких-либо сделок с представителями социалистических организаций, оплаты услуг, оказанных этими организациями, возникает с момента передачи имущества уполномоченному на его получение лицу в порядке, установленном законом, т. е. на законном основании. С этого же момента имущество оказывается во владении соответствующей социалистической организации. Точно так же, на наш взгляд, определяется момент возникновения права социалистической собственности при уплате различных штрафов, сборов, пошлин, членских взносов и т. п.

Необходимо, конечно, чтобы гражданин передавал имущество представителю социалистической организации именно для организации, в социалистическую собственность. В противном случае право социалистической собственности на имущество не возникает (например, получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, „чаевые“, получение взятки).

В силу сказанного, обращение должностным или иным лицом — представителем социалистической организации в свою собственность имущества, в законном порядке поступившего к нему от граждан, является хищением. Не имеет при этом решающего значения, было оприходовано поступившее от граждан имущество или нет.

Старший бухгалтер производственного управления водопроводно-канализационного хозяйства г. Нальчика Кононенко, бухгалтер расчетной группы Соловьева и кассир Маруда были признаны виновными и осуждены за хищение государственных средств на сумму 11803 руб. путем неоприходования поступивших в кассу наличных денег от граждан за ремонт и реализацию водометов.¹

Фотограф Истринского комбината бытового обслуживания Шутов, фотографируя граждан, выдавал им ранее использованные квитанции или вообще записывал клиентов в черновую тетрадь. Всего таким образом Шутов получил от заказчиков и присвоил 284 руб. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, подчеркнув, что при фотографировании исполь-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 6, с. 10.

зовались материалы комбината, квалифицировала действия Шүтова как хищение социалистического имущества.¹

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей“ разъясняется, что действия членов колхозов и иных лиц, по поручению колхозов реализующих на рынках колхозную продукцию, продавших эту продукцию по одним ценам, а отчитавшихся перед колхозами по другим, более низким ценам, когда эти действия направлены на присвоение вверенного им имущества или денежных средств, полученных от реализации, надлежит квалифицировать как хищение общественного имущества.² Это правильное разъяснение, так как с момента получения уполномоченными колхозом субъектами соответствующей суммы денег за реализованную продукцию вся указанная сумма является собственностью социалистической общественной организации.

Напротив, не будет хищения социалистического имущества, если представитель государственной или общественной организации, уполномоченный на получение от граждан денежных средств, обращает в свою пользу деньги, поступившие к нему от граждан в результате незаконных действий: злоупотребления служебным положением, обмана покупателей или заказчиков, незаконной продажи товаров с буфетной или ресторанной наценкой, продажи через государственное или кооперативное торговое предприятие частных товаров и т. п. Не имеет при этом значения, что граждане обмануты и убеждены в передаче денежных средств социалистической организации. Право социалистической собственности не может возникать в результате незаконных действий, поэтому в подобных случаях не происходит изъятия имущества из фондов социалистической организации, умысел преступника направлен на обогащение не за счет государства и общественной организации и последние не несут материального ущерба. В частности, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что действия лиц — работников предприятий общественного питания, в которых производится продажа определен-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972 г.г. М., 1974, с. 167.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 206—207. См. также п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1975 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков“. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977, ч. 2. М., 1978, с. 227.

ных продуктов с наценкой, покупающих по розничным ценам эти продукты в предприятиях торговли и продающих их затем посетителям с наценкой, при обращении ими в свою пользу разницы в ценах, должны квалифицироваться как спекуляция, а при наличии к тому оснований, и как злоупотребление служебным положением по совокупности (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1975 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков“).¹

Непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют случаи продажи кассирами и другими работниками неучтенных или использованных билетов, предоставляющих право на зрелищные, транспортные и иные услуги, с последующим присвоением полученных от граждан за эти билеты денежных средств. Если неучтенные или использованные билеты продавались в пределах существующей билетной нормы — количества мест — уполномоченными лицами (а также если такой нормы вообще не существует, например, при продаже билетов в городском трамвае и автобусе) и услуги были оказаны лицам, приобретающим данные билеты, то содеянное следует квалифицировать как хищение социалистического имущества.

Так, в постановлении по делу Ашурова и других Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что присвоение платы за проезд, полученной при продаже билетов, приобретенных кондуктором на стороне, является хищением государственных средств.² Напротив, хищения не будет, если эти неучтенные билеты продавались сверх подлежащего реализации количества билетов. В этом случае налицо признаки корыстного должностного злоупотребления или причинения имущественного ущерба без признаков хищения.

Действительно, выдаваемый кассиром, кондуктором и другими подобными лицами билет является лишь документом, своеобразной квитанцией, удостоверяющей факт оплаты соответствующей услуги и оформляющей передачу имущества. Однако, как уже говорилось, имущество считается поступившим в фонды социалистической собственности с момента его передачи на законном основании лицу, наделенному правом расчета с гражданами, независимо от того, надлежаще или

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977, ч. 2, с. 229.

² Социалистическая законность, 1976, № 11, с. 90.

ненадлежаще документально оформлена эта передача и оформлена ли она вообще. Поэтому присвоение представителем организации денежных средств, поступивших от отдельных граждан за законно оказанную им услугу, должно рассматриваться как хищение независимо от того, как было оформлено это поступление.¹

Имущество, хотя и переданное за фактически оказанную услугу, но не уполномоченному на его получение лицу, также нельзя считать поступившим в фонд социалистической собственности.² Так, если проводник на железной дороге, взяв от пассажира деньги за проезд или якобы для приобретения ему билета, билет не купил и позволил пассажиру проезд без билета, то он виновен не в хищении социалистического имущества, а в причинении материального ущерба государству путем злоупотребления доверием.

Изложенные положения легли в основу разъяснения, содержащегося в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. „О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте”: „Действия работников транспорта, уполномоченных в силу своего служебного положения на получение с граждан денег за проезд, провоз багажа и другие транспортные услуги, присвоивших полученные деньги, должны квалифицироваться как хищение государственного имущества. Работники транспорта, не обладающие указанными полномочиями, получившие от граждан и обратившие в свою пользу деньги за безбилетный проезд или незаконный, без оформления документов, провоз багажа, должны нести ответственность за причинение имущественного ущерба государству по ст. 94 УК РСФСР”.³

В практике встречаются случаи присвоения денежных средств, собранных среди членов какого-либо коллектива, например, на проведение банкета, на приобретение продовольственных товаров, подарка юбиляру и т. п. Данные средства не являются собственностью каких-либо общественных организаций, последние не несут за сохранность этих средств мате-

¹ Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, с. 94—95.

² Определение судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу Кузьменко и др. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам 1971—1979. М., 1981, с. 541).

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 350.

риальной ответственности, и поэтому преступное завладение ими может рассматриваться только как преступление против личной собственности граждан. Точно так же не являются ни общественной, ни (пока еще) государственной собственностью деньги, собранные с граждан общественным распространителем печати при проведении подписки на газеты и журналы.

Белоусова работала делопроизводителем в Ярославской городской детской больнице. В сентябре главный врач больницы поручил ей собрать с сотрудников деньги и оформить подписку на периодическую печать. По мере сбора денег Белоусова постепенно расходовала их мелкими суммами на личные нужды, истратив всего таким образом 300 руб. В агентстве „Союзпечати“ она не была и подписки не оформляла. Содеянное Белоусовой можно квалифицировать по ст. 147 УК РСФСР (завладение личным имуществом граждан путем обмана или злоупотребления доверием). Деньги, полученные с граждан и присвоенные Белоусовой, в государственный фонд еще не поступали. Нельзя считать их и собственностью какой-либо общественной организации.

Общественная собственность на средства, поступающие от граждан, возникает опять-таки в случае приема их уполномоченными представителями этих организаций на законном основании (например, сбор профсоюзных членских взносов, членских взносов кассы взаимопомощи и т. п.). Завладение такими средствами является хищением социалистического имущества.

Большой интерес в связи с рассматриваемым вопросом представляет дело Пичугина, который был командирован из Тамбовской области в Алтайский край для заготовки грубых кормов. Одновременно Пичугин согласился по просьбе председателя колхоза и начальника управления сельского хозяйства закупить картофель для колхозников и для работников управления на собранные с них деньги. По решению правления колхоза с колхозников было собрано 29 500 руб. и по шести расходным кассовым ордерам передано Пичугину; кроме того, ему по расходному кассовому ордеру было передано еще 13 500 руб., из которых 4000 руб. были собраны с сотрудников и 9500 руб. временно взяты из кассы управления сельского хозяйства (в дальнейшем эта сумма была возмещена сотрудниками). Пичугин на покупку и отправку картофеля в адрес колхоза и управления израсходовал 16 342 руб., а 26 658 руб. присвоил.

Областной суд квалифицировал действия Пичугина по ст. 93¹ УК РСФСР (хищение в особо крупном размере), ссылаясь на то, что организацией покупки картофеля занимались правление колхоза и управление сельского хозяйства, принявшие на себя ответственность перед лицами, передавшими деньги в их распоряжение, хотя деньги и не были оприходованы соответствующими бухгалтериями. Правление колхоза и управление сельского хозяйства, получив от граждан денежные средства с правом их расходования, стали собственниками этих денежных средств. Пичугин получил деньги от имени организаций и от их же имени расходовал вверенные ему денежные средства.

Президиум Верховного Суда РСФСР не согласился с этими доводами. Социалистические организации не стали собственниками денег, хотя

деньги и были собраны с граждан должностными лицами колхоза и управления сельского хозяйства. Право собственности предполагает владение, пользование и распоряжение имуществом. В данном случае собранные деньги использовались по целевому назначению — для приобретения гражданам картофеля. Право хозяйственного использования этих средств ни у государства, ни у колхоза не наступило: деньги, собранные с граждан, продолжали оставаться их собственностью. Действия Пичугина должны расцениваться лишь как мошенническое завладение личным имуществом граждан.¹

Согласно закону такие организации, как жилищно-строительный кооператив, дачно-строительный кооператив имеют право по постановлению общего собрания образовывать специальные фонды (на организационные расходы, амортизационные отчисления на капитальный ремонт дома и другие), расходуемые на цели, соответствующие предусмотренным в уставах задачам кооператива. Порядок образования и расходования этих фондов определяется общим собранием членов кооператива.² Средства, поступившие в подобные специальные фонды, являются общественной собственностью.

Итак, если субъект незаконно и безвозмездно завладел имуществом, которое уже поступило в фонд социалистической собственности и еще из него не вышло, признаки объективной стороны хищения социалистического имущества налицо.

Не вызывает сомнения, что материально ответственное лицо, завладевшее имуществом, непосредственно предназначенным для выдачи отдельным гражданам, виновно в хищении социалистического имущества. Иначе решается вопрос, если граждане сами в частном порядке уполномочили какого-либо своего представителя на получение от государства или общественной организации определенного причитающегося им имущества, а последний присвоил это имущество или оно было похищено у него третьим лицом. Поскольку имущество, выданное такому представителю, уже перестало быть социалистическим, признак изъятия имущества из социалистических фондов в этом случае отсутствует и содеянное должно квалифицироваться как посягательство на личную собственность граждан.³

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 8, с. 9.

² См. п. 15 Примерного устава жилищно-строительного кооператива, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 2 октября 1965 г., и п. 16 Примерного устава дачно-строительного кооператива, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1958 г. (Сборник нормативных актов по гражданскому законодательству, ч. 1. М., 1984, с. 341—342).

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 2, с. 3.

Рассмотренный признак позволяет также отграничить хищение от присвоения найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества, заведомо принадлежащего государству или общественной организации. Здесь так же, как и при хищениях, преступник незаконно и безвозмездно присваивает социалистическое имущество, причем делает это умышленно, заведомо сознавая, что данное имущество принадлежит социалистическим организациям.

Отличие, однако, состоит в том, что при присвоении найденного или случайно оказавшегося социалистического имущества преступник не изымает данное имущество из фондов государственных или общественных организаций, не совершает действий, направленных на умышленное изъятие этого имущества. Как известно, право социалистической собственности на имущество не утрачивается, где бы это имущество не находилось. Но одно дело, когда вещи, деньги или ценные бумаги находились во владении (фактическом обладании) социалистической организации и преступник незаконно и безвозмездно изъяс их, и другое дело, когда субъект обнаруживает имущество, вышедшее к этому моменту в силу каких-либо причин (забыто где-либо, утеряно и т. п.) из фактического владения социалистических организаций в лице их представителей. В такой ситуации фонд материальных ценностей социалистических организаций фактически уже уменьшился помимо волевых, сознательных действий субъекта, присвоившего затем имущество. К моменту возникновения у него намерения обратить данное имущество в свою собственность последнее находилось как бы в безнадзорном состоянии, ибо ни одна социалистическая организация фактически им уже не владела. Оно „выпало”, вышло из социалистического фонда имущественных ценностей, но помимо умышленных действий виновного, затем присвоившего имущество.

В связи с этим наиболее важным и, подчас, сложным является определение момента, начиная с которого можно утверждать, что имущество уже вышло из владения социалистических организаций. Бесспорно, нельзя считать найденным то имущество, которое субъект обнаружил в пределах его надлежащего или обычного местонахождения (например, на территории склада, цеха, колхозного поля и т. д.). Более того, если имущество обнаружено даже не на своем надлежащем месте, но в пределах хозяйственно-производственной деятельности той или иной социалистической организации (например, на территории предприятия), его следует считать

находящимся во владении социалистических организаций и обращение его субъектом в свою собственность необходимо рассматривать как хищение.

Рабочий Ново-Быковского сахарного завода Погребной после окончания смены задумал похитить 10 кг извести, которая находилась на территории завода у газовой плиты. Подойдя к ней, он обнаружил в камнях, предназначенных для пережога, два спрятанных мешка с сахаром, очевидно, подготовленных кем-то к хищению. Погребной решил завладеть сахаром и вынес его за пределы территории завода. Таким образом, Погребной совершил кражу социалистического имущества, а не присвоил найденное, так как мешки с сахаром все еще оставались во владении социалистического предприятия.

Рассматривая уголовное дело по обвинению Коростяковой, Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что „завладение государственным имуществом, оставленным по небрежности лицом, ответственным за него, не может рассматриваться как присвоение находки, если это имущество не было утрачено, находилось в служебном помещении и не вышло из владения государственной организации”.¹

Интерес представляет постановление президиума Горьковского областного суда по делу Грицкова, Силина и Игнатова, работавших на плавкране, которые отбуксовали три пучка древесины из расплавшегося плота и продали его гражданам. В постановлении президиума указывалось: „Для состава преступления, предусмотренного ст. 97 УК, необходимо, чтобы виновный завладел государственным или общественным имуществом, которое им было найдено. Найденным же считается такое имущество, которое, будучи государственной или общественной собственностью, по тем или иным причинам вышло из владения государственных или общественных органов и находилось в безнадзорном состоянии. Из материалов данного дела видно, что плот был поврежден при выходе из шлюза № 14, расположенного недалеко от места назначения древесины — пристани „Городец”. О том, что из плота выплыло 8 пучков древесины, пристани было известно, и были приняты меры к ее задержанию. Однако древесина была выловлена виновными и отбуксирована. Эти данные свидетельствуют о том, что древесина, похищенная осужденными, в безнадзорном состоянии не находилась и из государственного ведения не вышла. Лица, уличенные в хищении древесины из плотов и при молевом сплаве, привлекаются к уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества”.²

Не может быть признано вышедшим из владения социалистической организации имущество, временно оставленное в ненадлежащем, но определенном месте. При этом, конечно, для обвинения в хищении необходимо доказать осведомленность виновного о том, что имущество не утеряно, а временно

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972 г.г. М., 1974, с. 164.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 10, с. 16.

оставлено в данном месте. Следует считать находящимся в фондах социалистических организаций и то имущество, которое ими на законном основании передано во временное пользование частному лицу, например, по договору проката. Поэтому умышленное незаконное безвозмездное изъятие у последнего кем-либо данного имущества является хищением.

С рассматриваемым вопросом связаны случаи присвоения безнадзорного или пригульного скота.

Угренева подобрала и присвоила двух совхозных телят, оставших от гурта во время перегона скота. Ее действия были квалифицированы по ст. 97 УК РСФСР (присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества).¹ Правильно, однако, подчеркивается в „Курсе уголовного права“, что „присвоение безнадзорного или пригульного скота только тогда будет квалифицироваться по ст. 97 УК РСФСР, когда скот действительно вышел из владения организации: отстал во время перегона, при пастбы на большом пространстве и т. д. В остальных случаях завладение общественным скотом, который зашел во двор виновного, образует кражу и квалифицируется по ст. 89 УК РСФСР“.²

В определении по делу Бекмурзаева судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что завладение скотом, который находился на пастбище и оставался временно без присмотра, является хищением, а не присвоением находки. Работая чабаном совхоза, Бекмурзаев пас овец в местности, расположенной рядом с территорией соседнего колхоза. Воспользовавшись тем, что с совхозными овцами перемешались 27 овец колхоза, Бекмурзаев похитил их. Судебная коллегия отметила, что этих овец нельзя считать приблудившимися, поскольку они находились на пастбище, во владении колхоза, остались без присмотра временно, чем воспользовался Бекмурзаев.³

В практике встречаются случаи, когда работники различных социалистических организаций (кассиры, гардеробщики и другие лица) ошибочно передают вверенное им имущество лицам, которые вообще не имеют права на его получение, или в результате ошибки или заблуждения выдают имущество гражданам в размере большем, чем тем причиталось. Правовая оценка поведения лиц, незаконно завладевших таким образом социалистическим имуществом, как хищения или как присвоения случайно оказавшегося у них имущества зависит от того, осознает ли получатель допущенную работником со-

¹ Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961 — 1963 г.г. М., 1964, с. 209.

² Курс советского уголовного права, т. 3. Л., 1973, с. 458.

³ См.: Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 120—121. См. также комментарий к этому делу проф. Г. А. Кригера (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1980, № 7, с. 13).

циалистической организации ошибку непосредственно в момент переплаты или нет. Если в этот момент субъект не осознавал факта незаконного получения им какого-либо социалистического имущества, обнаружил ошибку позднее, то можно считать, что умысел на завладение социалистическим имуществом возник у него тогда, когда оно не по его воле уже вышло из владения социалистических организаций. Следовательно, здесь имеет место присвоение случайно оказавшегося имущества, а не хищение.

Напротив, если субъект в момент получения социалистического имущества обнаруживает ошибку, но умалчивает о ней, — это хищение. Выход имущества из владения социалистической организации произошел вследствие умышленного поведения (в данном случае — преступного бездействия) субъекта.

Туголуков, уходя из ресторана, подал гардеробщику свой номерок на получение одежды. Гардеробщик ошибочно вместо одного подал Туголукову два пальто, его и чужое, висевшее рядом на другом номере. Туголуков сразу же заметил ошибку гардеробщика, но умолчал о ней, взяв и чужое пальто.

Когда Туголуков заметил, что гардеробщик выдает ему лишнее пальто, это имущество еще не вышло из владения социалистической организации, однако он умышленно воспользовался ошибкой гардеробщика, чтобы завладеть чужим пальто. Следовательно, Туголуков совершил хищение социалистического имущества путем злоупотребления доверием. Сообщение о допуске ошибки предотвратило бы передачу чужого имущества.

Подобные рассуждения неприменимы, когда социалистическое имущество ошибочно или в большем количестве передается одним должностным лицом другому в связи со служебной деятельностью. В этом случае не имеет значения, когда обнаружилась ошибка: в момент получения или позднее, так как имущество все равно остается в социалистических фондах, во владении хотя и другой, но социалистической организации. Обращение такого излишне полученного имущества должностным лицом в свою собственность является хищением социалистического имущества.

Кассир совхоза Московец при получении денег для совхоза в сумме 55 тыс. рублей в результате ошибки, допущенной кассиром отделения Госбанка, фактически получила 65 тыс. рублей. Излишне полученные деньги она обнаружила лишь после того, как ей позвонил управляющий отделением Госбанка, и с целью присвоения изъяла их из кассы и спрятала. Решая вопрос о квалификации действий Московец как хищения или как присвоения случайно оказавшегося имущества, судебная коллегия Верховного Суда РСФСР определила, что должностное лицо, присвоившее излишне полученные денежные суммы в результате ошибки работника Гос-

банка, обоснованно осуждено за хищение государственных средств в особо крупном размере.¹

Спорным в советской уголовно-правовой литературе является вопрос о квалификации случаев похищения социалистического имущества, находящегося в неправомерном владении других лиц, ранее уже похитивших его или приобретших иным противоправным способом. Одни авторы считают, что в этих случаях все характерные признаки хищения социалистического имущества налицо.² Другие же, напротив, полагают, что подобные действия уголовным законом не предусмотрены и требуется законодательное решение вопроса об ответственности за завладение ранее похищенным социалистическим имуществом.³

Судебная практика в целом рассматривает такие действия как хищение социалистического имущества. В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда УССР от 25 января 1974 г. «О ходе выполнения судами Украинской ССР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищении государственного или общественного имущества”» указывалось: „Незаконное завладение имуществом, которое ранее было похищено из государственной или общественной организации другими лицами, следует квалифицировать как хищение, если виновный сознавал факт принадлежности имущества государственной или общественной организации”.

На наш взгляд, это разъяснение распространяется только на ситуации, когда виновный, зная, что имущество похищено, совершает активные действия для завладения им. Если же он случайно обнаружил ранее похищенное кем-то социалистическое имущество и присвоил его, то, хотя бы и сознавал, что оно краденое, хищением его действия не будут. Степень общественной опасности таких действий несоизмеримо меньше и в них содержатся признаки, предусмотренные ст. 97 УК РСФСР.

Изъятие как элемент хищения социалистического имущества должно быть незаконным и безвозмездным. Признак

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 115.

² См., например: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. Изд. 2-е. М., 1974, с. 47.

³ См., например: Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 22; Тенчов Э. С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. Иваново, 1980, с. 52—53.

незаконности изъятия имущества из владения социалистических организаций налицо, если у субъекта нет права на приобретение, получение этого имущества. Напротив, когда такое право есть, когда имеются законные основания для получения социалистического имущества (не формальные, а по существу), а нарушается лишь установленный законом порядок осуществления этого права, тогда хищения не будет.

В этой связи весьма показательным является дело Казариновой. Она была признана виновной в хищении социалистического имущества путем мошенничества, так как среди документов, на основании которых ей была назначена пенсия, имелась фиктивная справка о работе уборщицей при ТЭЦ № 18. При проверке оказалось, что Казаринова на основании Закона о государственных пенсиях имела право на пенсию по инвалидности. Помимо стажа, подтвержденного записями в трудовой книжке, необходимо было учесть и включить в трудовой стаж период ее работы в качестве домашней работницы в сельской местности. В подтверждение этого обстоятельства она не могла своевременно представить соответствующие документы, так как не имела возможности съездить в деревню. Таким образом, представляя фиктивную справку, Казаринова преследовала цель получить пенсию, на которую она имела право, но не могла вовремя представить надлежащие документы. Подобные действия не содержат признаков хищения государственных средств путем мошенничества, при котором виновный сознает, что он путем обмана или злоупотребления доверием завладевает социалистическим имуществом, на получение которого не имеет права, и желает так действовать, преследуя цель незаконного обогащения.¹

Представим ситуацию, что Казаринова на основании подложных документов получила пенсию в размере большем, чем ей фактически причиталось на основании надлежащих документов. В этом случае неправильно считать похищенной всю сумму средств, полученных ею в качестве пенсии, так как на часть суммы Казаринова имела бы право. Однако разница между полученной и причитающейся суммами была бы получена незаконно и безвозмездно. В этой части незаконное получение данной суммы было бы хищением, естественно, при наличии других признаков хищения и прежде всего умысла на незаконное безвозмездное изъятие социалистического имущества подобным образом.

Авдиенко, являясь инвалидом III группы от общего заболевания, получил пенсию по инвалидности. Затем он обратился в райсобес с просьбой о назначении ему пенсии по старости на льготных условиях, поскольку он якобы имеет десятилетний стаж работы на шахте под землей, что подтверждалось ложными документами. В течение нескольких лет он получал такую пенсию. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что при определении размера хищения следовало исходить не из всей полученной Авдиенко суммы незаконно назначенной ему пенсии, а лишь из разницы между этой суммой и пенсией, на получение которой он имел право

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1964, № 11, с. 15.

как инвалид III группы. Умысел Авдиенко был направлен не вообще на незаконное получение пенсии, а на получение пенсии в больших размерах.¹

Хищение, далее, всегда предполагает **безвозмездное** изъятие социалистического имущества. Безвозмездность налицо, когда субъект, изымая имущество из владения социалистических организаций, не возмещает его стоимость или не дает этим организациям эквивалент за захваченное имущество в виде общественно полезного труда. Поэтому, расследуя случаи получения государственных или общественных средств по неправильно оформленным документам, установив включение в ведомость на получение зарплаты подставных лиц, „мертвых душ” и получение за них государственных или общественных средств другими лицами, следователь обязан выяснить, носило ли в этих случаях изъятие социалистических средств безвозмездный характер.

Руководящие судебные органы неоднократно подчеркивали, что „получение от государственной организации денежных средств за фактически выполненную работу, хотя и по неправильно оформленным документам, не является хищением”.²

Моргенштерн и Килат были признаны виновными в том, что похитили 1364 руб., предъявив на эту сумму хлебоприемному пункту ст. Васкауцы фиктивные наряды на работу, которую они фактически не выполняли. Как установлено по делу, Моргенштерн — старший инженер и Килат — дорожный мастер Черновицкой дистанции железной дороги принимали по договору участие в строительстве на ст. Васкауцы тупика для хлебоприемного пункта. Моргенштерн составил технический проект, осуществлял руководство и контроль за строительством, а Килат руководил работами по укладке рельсов. Фактически эти работы они выполнили, но администрация хлебоприемного пункта, не имея необходимых средств на строительство тупика, договорилась с ними, что они составят наряды на другие работы и на других лиц, поскольку им работа по совместительству не разрешалась. Экспертизой установлено, что Моргенштерну и Килату была выплачена сумма, значительно меньшая той, которая причиталась по действующим государственным расценкам за фактически сделанную работу. Поскольку, таким образом, Моргенштерн и Килат никакого материального ущерба государству своими действиями не причинили, Пленум Верховного Суда Украинской ССР признал неправильным осуждение их за хищение.³

Близки к рассмотренному случаю незаконного совместительства в одной и той же организации.

В Тойсинской средней школе работала делопроизводителем Тюрихина, а на половине тарифной ставки бухгалтера — Кудряшов. Затем Тюрихина уволилась, а Кудряшов стал выполнять и обязанности делопроизводителя. При этом в ведомостях на выплату зарплаты, которые он же и со-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 1, с. 11.

² Социалистическая законность, 1968, № 8, с. 87; см. также: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 2, с. 15.

³ Социалистическая законность, 1968, № 8, с. 87.

ставлял, Кудряшов продолжал включать фамилию Тюрхиной и за нее расписывался. Все это было сделано по договоренности с директором школы. Поскольку Кудряшов фактически выполнял обязанности и бухгалтера и делопроизводителя, получение государственных средств не было безвозмездным. Следовательно, его действия, как и поведение директора школы, могут рассматриваться только как должностное преступление — злоупотребление служебным положением (при условии причинения существенного вреда) и должностной подлог.

Из материалов опубликованной судебной практики широко известно дело Стрельникова, по которому Верховный Суд РСФСР подчеркнул, что „действия должностного лица, оформившего на работу подставных лиц, получавшего за них зарплату и выполняющего обязанности по должностям, на которые они были зачислены, должны расцениваться не как хищение государственного имущества, а как злоупотребление служебным положением”.¹

Естественно, если субъект, устраиваясь на работу по совместительству, работу фактически не выполняет или выполняет не полностью, признак безвозмездности изъятия государственных средств налицо.

Таким образом, незаконное завладение государственным или общественным имуществом, но не связанное с причинением имущественного ущерба социалистическим организациям, так как виновный полностью оплачивает стоимость полученного имущества или представляет за него иную компенсацию (равноценное имущество, труд и т. п.) — не является хищением. В зависимости от конкретных обстоятельств такие действия наказываются как злоупотребление служебным положением, подлог, самоуправство или вообще не преследуются в уголовном порядке.

В практике встречаются случаи, когда субъект оформляется по подложному документу на работу, к которой он не был бы допущен по своим подлинным документам. В подобных ситуациях следует руководствоваться положением, высказанным Верховным Судом РСФСР по делу Зайцева: „Получение зарплаты за выполненную работу по должности, на которую лицо оформилось по подложному диплому, не может рассматриваться как хищение”.

Зайцев, имея среднее медицинское образование, изготовил подложную копию диплома об окончании медицинского института, на основании которой в течение нескольких лет работал главным врачом ряда санаториев. Он был осужден за подделку документа, незаконное врачевание и за хищение государственного имущества в результате незаконного получения зарплаты главного врача. Однако судебная коллегия Верховного Суда РСФСР,

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1962, № 3, с. 10.

подчеркнув, что Зайцев с работой в качестве главного врача справлялся (получение государственных средств не было безвозмездным), прекратила дело по обвинению в хищении.¹

Надо иметь в виду, что иногда государство оплачивает труд рабочих и служащих не только с учетом его количества и качества, но и выплачивает различные надбавки за выслугу лет, за продолжительность работы в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, стимулирует повышение профессионального мастерства и уровня образования, устанавливая надбавки к заработной плате, например, водителям за повышение классности, преподавателям, имеющим ученую степень, и т. п. Поэтому умышленное незаконное получение по поддельным документам подобных надбавок лицами, не имеющими на них права (именно, надбавок, а не всей заработной платы, полученной за выполненную работу), должно квалифицироваться не только как подделка документов (или использование поддельного документа), но и как хищение социалистического имущества.

Важное положение сформулировано во втором абзаце п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества“ (в редакции от 27 ноября 1981 года): „Изъятие имущества, вверенного виновному, путем замены его на менее ценное, совершенное с целью присвоения или обращения в собственность других лиц должно квалифицироваться как хищение в размере стоимости изъятого имущества“. Поэтому, если, к примеру, субъект обменивает с корыстной целью породистый, упитанный, высокопродуктивный скот колхозов и совхозов на принадлежащий ему менее ценный скот, он совершает хищение в размере полной стоимости изъятого имущества. Пленум Верховного Суда СССР, давая это разъяснение, видимо, полагал, что в подобных случаях виновный, действовавший из корыстных побуждений, путем такой замены лишь преследовал цель сокрытия совершенного хищения.

В следственно-судебной практике встречаются случаи, когда экспедиторы или заготовители, доставляя то или иное имущество, незаконно реализуют его по повышенной цене, по месту назначения груза передают не товар, а деньги и разницу обращают в свою собственность. Поскольку в данном

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972 г.г. М., 1974, с. 171.

случае социалистические организации не несут материального ущерба, подобные действия считать хищением нельзя.¹

Как расценивать случаи обращения должностными или частными лицами в свою собственность государственного имущества с оплатой его по низким производственным или оптовым ценам? В определении судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Трусова и Белканиа сказано: „Безвозмездным является незаконное получение социалистического имущества без предоставления соответствующего возмещения, в том числе и обманное приобретение товаров по более низкой оптовой цене. Размер хищения при этом определяется разницей между государственной розничной ценой и уплаченной оптовой ценой”.²

Эта позиция представляется правильной. Как известно, при совершении хищений стоимость изъятого имущества определяется исходя из розничной цены независимо от того, похищено имущество из организации, занимающейся розничной торговлей, или любой другой. Если же розничная цена на похищенное имущество отсутствует, то его стоимость определяется в соответствии с „Указаниями о порядке исчисления цен...”, утвержденными постановлением Госкомцен СССР от 29 декабря 1981 г., т. е. с применением коэффициентов, которыми цены доводятся до уровня розничных цен на аналогичные или близкие по потребительским свойствам товары народного потребления. Поэтому, если умысел субъекта направлен на завладение социалистическим имуществом, обогащение за счет государства и он лишь создает видимость оплаты этого имущества, рассчитываясь по оптовой цене, следует

¹ На наш взгляд, такие действия в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть квалифицированы как нарушение правил торговли (см. п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17 марта 1983 г. „О практике применения судами законодательства об уголовной ответственности за нарушение правил торговли”. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 2) или спекуляция (см. п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 14 декабря 1982 г. „О практике применения судами РСФСР законодательства и выполнения ими руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР по делам о спекуляции”. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 384).

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 6, с. 8 или Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 119. Аналогичное решение см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1977, № 2, с. 2.

признать, что субъект совершает безвозмездное изъятие имущества в размере разницы между указанными ценами.

Субъективные признаки хищения

С субъективной стороны хищение является умышленным преступлением, совершаемым только с **прямым умыслом**. Виновный в хищении осознает, что изымает имущество, находившееся во владении государственных или общественных организаций, что делает он это незаконно и безвозмездно, предвидит, что причинит материальный ущерб социалистическим организациям и желает обратить социалистическое имущество в свою собственность или в собственность других лиц. Иначе говоря, должно быть доказано, что умыслом виновного охватывались все признаки объективной стороны хищения.

В связи с этим следует остановиться на случаях, именуемых в теории и на практике временным пользованием имуществом без намерения обратить его в личную собственность или в собственность других лиц (см. п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 года). Суть их заключается в том, что субъект временно изымает какое-либо государственное или общественное имущество, пользуется им или его расходует, имея намерение в дальнейшем погасить задолженность, внести стоимость изъятого имущества. Сюда же относятся угон государственного и общественного автотранспорта без цели хищения, а также случаи незаконного отпуска товаров в кредит, „под зарплату” и т. п., когда материально ответственное лицо, нарушая правила торговли, выдает имущество родственникам, знакомым или даже посторонним без оплаты его стоимости, но с намерением погасить долг.

С объективной стороны эти действия содержат признаки хищения, так как на определенный момент изъятие оказывается незаконным и безвозмездным. Однако, поскольку субъект имел в виду лишь временно пользоваться социалистическим имуществом, возместить стоимость изъятого имущества, то умысел на безвозмездное изъятие данного имущества от-

¹ Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. Изд. 2-е. М., 1974, с. 180—181.

сутствует и оценка этих действий как хищения была бы ошибочной.

Данная мысль очень четко проведена в постановлении Пленума Верховного Суда Казахской ССР от 26 сентября 1967 г. „О недостатках в работе судов Казахской ССР по делам о хищениях государственного и общественного имущества в системе государственной торговли и потребительской кооперации“, где сказано: „Действия должностных лиц, связанные с временной передачей материальных ценностей другим лицам (отпуск товаров в долг) без цели хищения, некоторыми судами... неправильно квалифицируются как хищения путем растраты или присвоения, а иногда по совокупности ст.ст. 76-4, 153 и 145 УК, тогда как эти действия должны рассматриваться только как должностное преступление — злоупотребление служебным положением“.

Хабаровский краевой суд осудил Мельникова, Винокурову, Лаптеву и Шевцову за хищение государственного имущества. Мельникова, Винокурову и Лаптеву признаны виновными в том, что, работая в медицинском институте первая кассиром, вторая — бухгалтером, а третья — заместителем главного бухгалтера, занимались растратой государственных средств. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР не согласилась с такой квалификацией. Установлено, что Мельникова выдавала деньги из кассы в долг, беря при этом от других осужденных расписки. Действия должностных лиц, виновных в выдаче или в получении денег из кассы учреждения по распискам, при отсутствии доказательств о намерении обратить деньги в свою собственность или собственность других лиц должны квалифицироваться как злоупотребление служебным положением, а не как хищение.¹

В подобных случаях при расследовании особое внимание нужно обратить на то, было ли у субъекта в самом начале, уже в тот момент, когда он изымал государственное или общественное имущество, намерение возместить, внести в дальнейшем в социалистический фонд стоимость изъятого или нет. Если имущество изымалось с целью обогащения, а намерение погасить задолженность возникло потом, например, после ревизии или возбуждения уголовного дела, то это, конечно, хищение, а не временное заимствование.

В следственной и судебной практике возникали трудности, связанные с юридической оценкой ситуаций, при которых должностное лицо завладевает государственными или общественными денежными средствами для приобретения и последующей реализации товаров, добытых преступным путем, а затем изъятую сумму возмещает. Таким образом, изъятие денег имеет место как бы на время, однако в соответствии с указаниями Пленума Верховного Суда СССР (п. 13 поста-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 11.

новления от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества такого рода „позаимствование” следует квалифицировать как хищение.¹ Несмотря на то, что деньги изъяты на время, виновный имеет намерение возместить изъятое не из своих средств, а за счет той незаконной прибыли, которую они ему принесут в результате участия в преступной операции.²

Хищение является корыстным преступлением. Цель всякого корыстного преступления — получить выгоду материального характера. В русском языке слово „корысть” понимается как выгода, материальная польза.³ При хищении субъект стремится обратить социалистическое имущество в собственность свою или других лиц и получить от этого материальную выгоду. Сущность хищения заключается не только в причинении материального ущерба в результате незаконного безвозмездного изъятия социалистического имущества, но и в умышленном противозаконном паразитическом обогащении отдельных лиц за счет этого имущества.

Поэтому нельзя считать хищением случаи незаконного завладения социалистическим имуществом с целью его уничтожения или повреждения. Другое дело, когда субъект завладел социалистическим имуществом, чтобы обратить его в свою собственность, корыстно им распорядиться, а затем вынужден был уничтожить это имущество. Такие действия обособленно квалифицируются как хищение, ибо последнее явля-

¹ В юридической литературе встречается точка зрения, что в п. 13 названного постановления имеются в виду случаи, когда деньги изъяты без намерения их возместить. По нашему мнению, для таких очевидных ситуаций Пленуму не было необходимости давать разъяснение о квалификации и в рассматриваемый пункт вложен иной смысл (см.: Гальперин И. Об уголовной ответственности за завладение имуществом. — Социалистическая законность, 1979, № 10).

² Представляется, что это разъяснение Пленума несколько однобокое, так как в нем речь идет только о должностных лицах и об изъятии денежных средств только для участия их в совершении конкретной преступной операции. На наш взгляд, правильнее было бы считать хищением изъятие денежных средств не только должностными, но и любыми материально ответственными лицами, если эти денежные средства участвовали в любой преступной операции, в результате которой приумножились, за счет чего и была возмещена ранее изъятая сумма.

³ В. И. Даль определял корысть как „страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш” (Даль В. Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1979, с. 171).

ется оконченным преступлением с момента изъятия имущества из владения социалистической организации с целью обращения в личную собственность, когда виновный имеет реальную возможность распоряжаться имуществом по своему усмотрению или пользоваться им. При недоказанности корыстной цели у субъекта в момент совершения деяния безвозмездное изъятие социалистического имущества не может квалифицироваться как хищение.

На практике наибольшую сложность для квалификации представляют случаи, когда имущество не присваивается субъектом, во владении или распоряжении которого оно находится, а передается безвозмездно другим лицам, например, при растратах, хищениях путем злоупотребления служебным положением, даче взятки из государственных средств, выдаче имущества под воздействием вымогательства, выплате премияльных в результате незаконных приписок к государственной отчетности и т. д. Если в таких ситуациях обогащается и сам передающий имущество из социалистических фондов, то никаких сомнений в квалификации содеянного им как хищения не возникает. А если он передает имущество другим лицам, не обогащаясь при этом сам?¹

Корысть налицо, если имущество незаконно передается в собственность граждан, близких для должностного или материально ответственного лица (родственники, иждивенцы, друзья и т. д.). В определении по делу Малькова судебная

¹ В юридической литературе высказана точка зрения, сводящаяся к широкому пониманию корысти при хищении. Корыстную цель рассматривают не только как личную материальную заинтересованность, а и в более широком смысле — как изъятие имущества из социалистических фондов и обращение его в пользу свою или других лиц (см.: Тарарухин С. А. Преступное поведение. М., 1974, с. 95; Тенчов Э. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. Иваново, 1980, с. 79—82). Встречается такая позиция и при решении конкретных уголовных дел (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1982, № 3, с. 14).

Если последовательно придерживаться указанной позиции, то следует квалифицировать как хищение любые случаи умышленной незаконной и безвозмездной передачи социалистического имущества другим лицам, так как передающий осознает, что он незаконно обогащает этих лиц. Однако с таким решением вопроса не соглашаются многие авторы (Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 76—83; Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975, с. 148—155; Фролов Е., Шелковкин Г. Квалификация незаконной передачи социалистического имущества другим лицам. — Советская юстиция, 1980, № 5, с. 13; Комментарий к УК РСФСР. М., 1984, с. 188; Ткаченко В. Ответственность за разбазаривание социалистического имущества. — Советская юстиция, 1983, № 20, с. 9).

коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что корыстные побуждения предполагают стремление к созданию материальной выгоды для себя или иных лиц, в судьбе которых заинтересован виновный.¹ Получение этими лицами материальной выгоды для преступника равнозначно его личному обогащению. Считая себя обязанным в силу родственных, интимных, дружеских отношений делать им подарки, оказывать материальную помощь, субъект не желает расходовать свои личные средства, а делает это за счет социалистического имущества.

Корыстные побуждения могут выражаться не только в стремлении к незаконному приумножению имеющегося имущества, но и в его сбережении.² Субъект может из государственных или общественных средств оплатить свой личный долг или оказанную ему услугу нематериального характера. Во всех этих случаях он заинтересован в обогащении другого лица.

На практике встречаются случаи, когда отдельные участники хищения сами не обогащаются и вообще совершают преступление не по корыстным мотивам: например, материально ответственное или должностное лицо передает социалистическое имущество в собственность других лиц из желания угодить им, из боязни, из-за карьеристских соображений и т. д. В такой ситуации речь идет о соучастии в хищении. Тот, кто получает имущество, является либо соисполнителем преступления, либо организатором, либо подстрекателем материально ответственного или должностного лица в совершении хищения.

В теории советского уголовного права признано, что мотивы, которыми руководствуются соучастники, и цели, которых они стремятся достичь, могут не совпадать, однако осознание наличия соответствующих мотивов и целей у кого-либо из соучастников определяет одинаковую квалификацию действий всех соучастников. Поэтому, когда при умышленном участии нескольких лиц в незаконном изъятии социалистического имущества корыстный мотив был хотя бы у одного из соуча-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972 г.г., с. 246.

² См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. „О судебной практике по делам об умышленном убийстве“. (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 г.г., ч. 2. М., 1978, с. 187).

стников, о чем было известно и остальным, они также отвечают за хищение, хотя непосредственные мотивы их соучастия не были корыстными и в результате хищения они лично не обогатились.

Директор магазина Осипова потребовала от продавца-лотошника Петровой, чтобы дневную выручку за проданную рыбу в сумме 400 руб. она передала ей, а количество полученной для продажи рыбы в накладных переделала в сторону уменьшения. Петрова выполнила указания директора, так как боялась ее: директор неоднократно говорила продавцам, что любую при желании может „посадить в тюрьму“, поскольку знает, что они обвешивают покупателей. Содеянное Осиповой и Петровой правильно было квалифицировано по ст. 92, ч. 11 и ст. 175 УК РСФСР как хищение по предварительному сговору группой лиц, хотя Петрова при этой операции совершенно не обогатилась.¹

Из изложенных выше теоретических положений исходит и Пленум Верховного Суда СССР, который в п.п. 7, 8 постановления от 11 июля 1972 г. по делам о хищениях социалистического имущества указал, что хищением является незаконное получение государственных или общественных средств по заведомо фиктивным документам, трудовым соглашениям или иным договорам под видом заработной платы за работу или услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, совершенное по сговору между должностными и частными лицами. Причем за хищение несут ответственность как должностные, так и частные лица, участвовавшие в сговоре и получившие эти средства. Отсутствие личной корыстной заинтересованности у должностного лица, вступившего в преступный сговор, значения для квалификации не имеет.

В следственной и судебной практике встречаются противоречивые решения при юридической оценке действий должностных и недолжностных лиц, когда первые оформляют граждан на штатные должности, не соответствующие фактически выполняемой ими работе.

Кладовщица, которой осталось работать два года до пенсии, начальником цеха была оформлена электросварщицей с увеличением оклада на 80 руб., хотя продолжала выполнять работу кладовщицы. Начальник руководствовался соображениями удержать хорошую кладовщицу, а последняя стремилась получить большую пенсию. Представляется, что они — соучастники хищения, так как кладовщица преследовала корыстную цель, а начальник своими действиями ей сознательно содействовал.

На наш взгляд, иначе следует квалифицировать случаи, когда лицо нанимается для выполнения определенной работы, но соответствующей должности в штатном расписании нет и

¹ См. аналогичное дело по обвинению Пикаловой (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 3, с. 5—6).

поэтому его оформляют на свободную должность. В таких ситуациях нанявшийся на работу корыстной цели не преследует, а следовательно, и не совершает никаких преступных действий. Должностное лицо может нести ответственность за должностное злоупотребление или должностной подлог, если будет доказано, что оно руководствовалось личными побуждениями.¹

Отсутствие корыстного мотива у отдельных соучастников может иметь место при передаче социалистического имущества под воздействием вымогательства и при даче взятки за счет средств социалистической организации.

При вымогательстве корыстный мотив имеется только у вымогателя. Если же должностное или материально ответственное лицо под влиянием угроз решится на передачу имущества, то будет действовать по мотивам безопасности своих личных интересов, а цель преступления — обогащение вымогателя, т. е. удовлетворение его корыстных побуждений. Оба они совершают хищение, при этом лицо, в ведении которого находилось имущество, является исполнителем хищения, а вымогатель, оказавший психическое принуждение, выступает в качестве подстрекателя или организатора.

Точно так же, если взятка по предварительному сговору дается заведомо из государственных или общественных средств, то это и взятничество и хищение у взяткополучателя и у взяткодателя, хотя бы последний давал взятку не из личных интересов, а в ложно понимаемых интересах предприятия.²

Во всех иных случаях, когда лица, получившие социалистическое имущество, не осведомлены о незаконности выплаты, не были соучастниками в совершении этих незаконных действий, а лица, выплатившие или обеспечившие выплату государственных средств, личной материальной выгоды не преследовали, содеянное хищением не является.

¹ Точно так же, по нашему мнению, должен решаться вопрос при незаконном оформлении на должности спортсменов, участников художественной самодеятельности и т. д., которые получают зарплату фактически за то, что находятся на тренировках, репетициях и т. д. Поскольку эта общественная деятельность в интересах предприятия лишает их возможности выполнять иную работу, нельзя считать, что они преследуют корыстную цель, а поэтому вести речь о хищении оснований нет.

² См. п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. „О судебной практике по делам о взятничестве” (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 г.г., ч. 2. М., 1978, с. 241).

Кофман, работавший мастером участка специализированного строительного-монтажного управления, был признан судом виновным в хищении государственных средств путем завышения расценок и увеличения объема выполняемых работ, в результате чего было излишне выплачено заработной платы в сумме 7644 руб. Президиум Ленинградского городского суда не согласился с таким решением, признав правильной квалификацию действий Кофмана как злоупотребление служебным положением, поскольку не установлено, что при начислении излишней заработной платы рабочим в сумме 7644 руб. Кофман преследовал корыстную цель: денежные суммы получены лицами, которым они были начислены, сам Кофман денег не получал и в преступном сговоре с рабочими не состоял.¹

Именно в силу отсутствия корыстных мотивов и цели на практике не признаются хищением переплаты денежных средств путем завышения объема выполненных работ в нарядах, совершаемые должностными лицами, чтобы компенсировать потери рабочих в зарплате вследствие простоев, незаконное расходование государственных или общественных средств на проведение приемов, банкетов, встреч для представителей различных делегаций, вечеров и празднеств по случаю юбилейных дат организаций и заслуженных работников и других событий, вручение подарков и сувениров, выплата зарплат участникам художественной самодеятельности или спортсменам предприятия за время нахождения их на гастролях или соревнованиях и т. п.²

Иное дело, когда должностное лицо расходует государственные или общественные средства на оплату банкетов, устраиваемых им лично или близкими ему лицами. В этом случае налицо хищение социалистического имущества, поскольку преследуется корыстная цель: расходы для удовлетворения своих интересов перекладываются на государственную или общественную организацию.³

Следственные и судебные органы, особенно в последние годы, испытывают трудности в юридической оценке действий так называемых „шабашников“, т. е. лиц, выполняющих работы для социалистических организаций (государственных предприятий, колхозов, кооперативных товариществ и т. д.) по соглашению сторон и оплачиваемых, как правило, с превышением государственных расценок на соответствующие работы.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1977, № 8, с. 9.

² См. например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 7, с. 8; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 4, с. 12; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 2, с. 12.

³ См.: Ткаченко В. Ответственность за разбазаривание социалистического имущества, с. 9.

Легальной правовой основой таких соглашений является договор подряда, разрешающий, с одной стороны, государственным и общественным организациям прибегать к трудовой помощи частных лиц, а частным лицам — с другой стороны — выполнять своими силами работы по строительству, ремонту и другие услуги.¹

Объем, вид работ, их сроки, оплата, предоставление орудий труда, обеспечение фронта работ определяются соглашением сторон. Форма оплаты труда в таких случаях обычно аккордная, расценки на отдельные виды, промежуточные работы и на строительство или ремонт в несколько раз превышают государственные.²

Поскольку заключение легального договора подряда, контролируемого Госбанком, исключает возможность завышения расценок, то хозяйственные руководители по согласованию с бригадой идут двумя путями. Во-первых, в договоре подряда завышают объем, изменяют вид работ, включают в число членов бригады подставных лиц. Во-вторых, что в последние годы особенно распространилось в связи с большим количеством некомплектованных рабочих мест, принимают „шабашников” на временную работу на вакантные места, зачастую не соответствующие их квалификации и специальности. Однако это лишь форма. По существу содержание договора и в таких случаях не изменяется. Оформление на работу представляет собой способ изыскания денежных средств для оплаты работ и услуг „шабашников” по расценкам, определенным соглашением сторон. Принимаемые на работу строители не подчиняются правилам внутреннего распорядка коллектива, работают больше положенного времени, не получают компенсации за работу в ночное время, сверхурочно, в выходные дни, в случае заболевания им не оплачиваются

¹ См.: ст.ст. 64—66 Основ гражданского законодательства Союза ССР (ст.ст. 350—367 ГК РСФСР); ст. 20 Примерного Устава колхоза; постановление Совета Министров СССР от 19 июня 1973 г. № 421 „Об упорядочении отходничества колхозников на сезонные работы”. — СП СССР, 1973, № 15, ст. 84; Постановление ГКТ и ВЦСПС от 24 мая 1978 г. „Об оплате труда колхозников-отходников и других граждан, используемых на строительстве в сельской местности”. — Бюллетень ГКТ, 1978, № 18.

² Речь идет как о превышении государственных расценок на аналогичные работы, выполняемые штатными работниками государственных и общественных предприятий и организаций, так и расценок, установленных специальными нормативными актами для отходников. См.: Типовой договор по выполнению колхозниками-отходниками и другими гражданами работ по строительству объектов в сельской местности. Утвержден ГКТ и Секретариатом ВЦСПС 24.05.1978. — БТЗ (V—VI). М., 1978, с. 96—100.

листки временной нетрудоспособности, т. е. фактически это не трудовые, а гражданско-правовые подрядные отношения, прикрытые формой трудовых. Изыскивая средства оплаты работ по завышенным (иногда в 5—10 раз) расценкам, определенным соглашением сторон, должностные лица идут на всякого рода нарушения финансовой дисциплины, подлоги.

Например, бригада строителей в 15 человек по договоренности с начальником Эвенкийского строительно-монтажного управления в Красноярском крае приняла на себя обязанность построить гараж, две вертолетные площадки и выполнить вторую очередь работ по сооружению причала СМУ. По соглашению сторон аккордная оплата этих работ составила 20% сметной стоимости строящихся объектов. Внутренний распорядок работы, оплата сверхурочных, ночных, за выходные дни на бригаду не распространялась, не велся СМУ также и внутренний учет работ, табель выхода на работы и т. д. Начальник СМУ по договоренности с бригадиром включил в состав бригады 21 подставное лицо, срок работы бригады в документах увеличили с фактических 42 дней до 5 месяцев, чтобы таким образом за счет незаконно начисляемой заработной платы, полевого довольствия и районного северного коэффициента обеспечить оплату бригаде 20% сметной стоимости работ, как было обусловлено соглашением сторон.

Установлено, что ни начальник СМУ, ни бригадир наемной бригады (кроме причитающихся за работу) лично себе никаких денег не брали. Последнее обстоятельство и вызывает затруднения при юридической оценке действий начальника СМУ, бригадира и членов бригады „шабашников”.

Подобная ситуация рассмотрена Пленумом Верховного Суда СССР в решении по делу Николотова. В адрес Старополтавской межколхозной строительной организации прибыли плоты с лесом. Для выгрузки была нанята бригада рабочих во главе с Николотовым. При найме администрация по соглашению с рабочими обязалась уплатить им за работу по 1 р. 35 коп. — 1 р. 50 коп. за каждый выгруженный кубометр плоты и по 2 руб. за выгрузку кубометра леса из баржи. Чтобы обеспечить размер заработной платы на уровне состоявшейся договоренности, Николотов завысил в документах объем выполненных работ. Наряды подписывались и утверждались ответственными работниками межколхозной строительной организации, которые знали о завышении объема работ. Верховный Суд СССР пришел к выводу, что признаки хищения в действиях должностных лиц при подобных обстоятельствах отсутствуют.¹

Можно сделать вывод, что и действия „шабашников”, связанные с фактическим выполнением строительных, ремонтных и других работ, по соглашению с администрацией опла-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 2, с. 15—18.

ценных по завышенным расценкам, хищением не являются.

Действия должностных лиц, заключающих соглашения, благодаря которым незаконно выплачиваются государственные средства, при доказанности, что они действуют из ложнопонимаемых или местнических, узковедомственных интересов и причиняют государству существенный вред, квалифицируются как злоупотребление служебным положением.

Другая ситуация и иная юридическая оценка имеют место, если бригады „шабашников” вступают в сговор с должностными лицами колхозов или государственных предприятий и организаций. Пользуясь ненадлежащим и неофициальным учетом выполняемых „шабашниками” работ, ослаблением финансового контроля, оформлением неустановленных лиц по фиктивным документам, они включают в оплату, кроме того, что было оговорено и утверждено по согласованному аккордному наряду, вообще невыполнившиеся работы, а начисленные средства присваивают. Такие действия представляют собой хищение государственных и общественных средств путем злоупотребления служебным положением, совершенное в соучастии.

Соучастниками хищения являются должностные лица — руководители государственных предприятий и общественных организаций и бригады или члены бригад „шабашников”, участвующие в оформлении фиктивных документов на работы, которые не подлежали оплате (даже по заключенному с бригадой неофициальному соглашению). В таких ситуациях за хищение государственного имущества отвечают все лица, действовавшие согласованно и осведомленные о характере действий (соучастники), независимо от того, получали ли они лично и если да, в какой сумме, государственное либо общественное имущество.

Директор совхоза „Борисовский” Звягинцев в 1980—1981 г.г. заключил ряд соглашений с наемными бригадами на строительство 10 объектов. Прораб Персегян, составляя калькуляцию, завысил объем работ по каждому объекту. Наемным бригадам с ведома главного бухгалтера совхоза было переплачено 34 063 рубля. Воспользовавшись недостоверностью учета работ „шабашников”, прораб Персегян, главный бухгалтер Сартаков и бригадир „шабашников” Тилишвили по сговору между собой составили „дополнительные” фиктивные документы на работы, которые не производились вообще, похитив 8967 руб. Кроме того, прораб Персегян и бригадир Тилишвили составили подложные документы на заготовку древесины для стройки, которая также не производилась. Благодаря этой операции было похищено еще 4 078 рублей. Директор совхоза Звягинцев, не проверяя, утвердил фиктивные документы к оплате.

Алтайским краевым судом директор совхоза Звягинцев осужден по ст. 170 УК РСФСР за злоупотребление служебным положением, осталь-

ные лица — за хищение государственного и общественного имущества, причем Персегян и Тилишвили — в особо крупном размере.

Как уже указывалось, вопрос о наличии признаков хищения социалистического имущества встает и в тех случаях, когда вследствие приписок в государственной отчетности или представления других, умышленно искаженных данных о выполнении планов имело место незаконное получение премий либо иных выплат. Судебная практика по квалификации такого рода преступных действий за последние годы менялась. Пленум Верховного Суда СССР неоднократно в своих постановлениях обращался к этому вопросу. В настоящее время действует постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г., в п. 10 которого указано, что если приписки в государственной отчетности и представление других, умышленно искаженных данных о выполнении планов были сопряжены с последующим умышленным внесением в соответствующие документы (бухгалтерские отчеты, балансы, ведомости на получение премий и т. п.) заведомо ложных сведений и с незаконным безвозмездным обращением государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц, содеянное должно квалифицироваться по совокупности статей УК, предусматривающих ответственность за приписки и хищение социалистического имущества путем злоупотребления служебным положением. При этом размер хищения и его квалификация должны определяться с учетом всей суммы денежных средств, как присвоенных должностным лицом, так и безвозмездно переданных другим лицам в виде зарплаты и премий.

В этом разъяснении ничего не сказано о значении для квалификации мотивов и целей поведения должностных лиц, однако не учитывать их, на наш взгляд, было бы неправильно.

Заметим, прежде всего, что анализируемое преступное поведение складывается из разных действий. Во-первых, внесение руководителем и главным (старшим) бухгалтером предприятия с возможной помощью соучастников приписок в государственную отчетность. Мотивы и цели совершения этого преступления могут быть различными: карьеристские устремления, боязнь ответственности за плохую работу, желание первенствовать в соревновании и т. д. Вполне возможны, и как самостоятельные, и в сочетании с названными,

в качестве мотива и цели приписок корыстные побуждения — незаконно получить премиальное вознаграждение.¹

Вторая группа действий связана с оформлением документов на незаконное назначение и выплату премий. В соответствии с Основными положениями о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности за основные результаты хозяйственной деятельности от 28 июня 1977 г. с уточнениями от 24 июля 1980 г.² на предприятиях существуют основные и дополнительные показатели и условия премирования. Эти показатели и условия премирования не одинаковы для рабочих и для руководящих, инженерно-технических работников и служащих. Документы, которые оформляются на получение премии для руководителей предприятий и организаций, ответственных по закону за приписки в государственной отчетности, и для рядовых работников, также различны. Поэтому нельзя исходить из того, что, оформляя документы на незаконное получение премии рядовым работникам, руководители предприятий и организаций всегда руководствуются корыстными мотивами и преследуют корыстную цель. Более того, возможны случаи, когда в результате приписок создается видимость наличия необходимых условий для премирования рабочих, но отчетные данные, относящиеся к необходимым условиям премирования руководителей предприятий, учинивших приписки, не искажаются. При такой ситуации рядовым работникам премия будет выплачена, а руководителям нет. Было бы неправильно, с нашей точки зрения, расценивать подобные действия должностных лиц как хищение социалистического имущества.³

В предыдущем параграфе уже рассматривался вопрос о квалификации снятия деталей с машин, механизмов и т. д. и перестановки их на агрегаты, на которых работают виновный или его знакомые. Хищением такие действия признавать

¹ Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979, с. 122.

² Бюллетень Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, 1980, № 10, с. 4.

³ В настоящее время практика придерживается другой позиции, высказанной судебной коллегией по уголовным делам и отделом обобщения судебной практики Верховного Суда СССР в обзоре „Применение судами законодательства об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов” (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1985, № 6, с. 39—40).

нельзя не только потому, что имущество осталось в социалистическом фонде, но и, главным образом, вследствие того, что у такого лица нет корыстной цели: деталь необходима ему для нормальной работы агрегата, принадлежащего социалистической организации.

Если же нуждающийся в детали подговорил работника другой организации, чтобы тот снял деталь и продал ему для установки также на государственную машину, то это хищение в соучастии: у одного из них есть корыстная цель, что осознается вторым. В данном случае в момент реализации детали она вышла из социалистического фонда, и тот факт, что затем использовалась в социалистической организации, для квалификации значения не имеет.

Итак, для признания преступного деяния, выразившегося в умышленном незаконном безвозмездном изъятии государственного или общественного имущества, хищением должно быть доказано, что оно осуществлено с корыстной целью: 1) в свою пользу; 2) в пользу лиц, близких расхитителю, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения.

Раздел II

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА ОТ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В ходе предыдущего изложения понятия и признаков хищения мы уже касались вопросов отграничения хищений социалистического имущества от экологических преступлений (незаконное занятие рыбным промыслом, незаконная охота, незаконная порубка леса и др.), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94 УК РСФСР), присвоения найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества (ст. 97 УК РСФСР), хищения документов (ст. 195 УК РСФСР), самоуправства (ст. 200 УК РСФСР) и некоторых других преступлений. Поэтому в данном разделе освещаются лишь вопросы отграничения хищений от должностных злоупотреблений по службе (ст. 170 УК РСФСР), обмана покупателей или заказчиков (ст. 156 УК РСФСР) и от частнопредпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 153 УК РСФСР), а также случаи квалификации хищения по совокупности с этими преступлениями.

Разграничение хищений социалистического имущества и должностных преступлений

Хищение, совершенное путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением, квалифицируется

по ст. 92 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик и не требует дополнительной квалификации по ст. 170 УК РСФСР. В то же время не всякое должностное злоупотребление, причиняющее материальный ущерб социалистическим организациям, является хищением. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества” говорится: „Злоупотребление должностного лица служебным положением, заключающееся в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц, должно рассматриваться как хищение и квалифицироваться по ст. 92 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. От состава этого преступления суды должны отличать такое злоупотребление служебным положением, которое хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением социалистического имущества в свою собственность или собственность других лиц. Например, сокрытие путем запутывания учета недостачи, образовавшейся в результате халатности; временное пользование имуществом без намерения обратить его в личную собственность других лиц”.

Выше проанализированы все основные признаки хищения (причинение реального материального ущерба, изъятие, безвозмездность, незаконность, корыстная цель и др.). Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает квалификацию содеянного должностным лицом как хищения социалистического имущества.

Примеры злоупотреблений, не являющихся хищением, приведены в тексте работы. Поэтому, подводя определенный итог сказанному о разграничении социалистического имущества и злоупотреблений по службе, достаточно в обобщенном виде указать ряд ситуаций, когда содеянное должностным лицом при наличии некоторого сходства с хищением социалистического имущества путем злоупотребления служебным положением является все же не хищением, а должностным преступлением — злоупотреблением по службе.

1. Злоупотребление служебным положением из корыстных побуждений не является хищением, если ущерб причинен не вследствие незаконного безвозмездного изъятия имущества из социалистических фондов, а в результате использования

имущества не по назначению, непоступления должного (неполученные доходы, упущенная выгода — см. приложение 2).

Старший бухгалтер СМУ № 1 треста „Севертрубпроводстрой“ Зеленохват, злоупотребляя служебным положением, не производила начисления налога с холостяков, одиноких и бездетных граждан на свою заработную плату и зарплату мужа — всего на сумму 787 руб. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что Зеленохват не изымала государственных средств, а, используя свое служебное положение бухгалтера, не отчисляла из своей зарплаты и зарплаты мужа налоги, т. е. денежные средства, которые должны были поступать в государственный фонд, чем причинила имущественный ущерб государству при отсутствии признаков хищения.¹

2. Злоупотребление служебным положением, связанное с изъятием имущества, не является хищением, если изъятие носило временный или возмездный характер (например, временное позаймствование, незаконное приобретение имущества в кредит, незаконное совместительство).

3. Злоупотребление служебным положением, даже причинившее реальный ущерб и связанное с изъятием имущества, не является хищением, если субъект не преследовал корыстной цели.

Разграничение хищений социалистического имущества и обмана покупателей и заказчиков

Деятельность работников торговли, предприятий коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения связана с осуществлением ими двоякого рода функций: с одной стороны — контроль, учет, хранение государственного и общественного имущества, подлежащего реализации, с другой — обязанности по отпуску товаров, обслуживанию, расчету с покупателями или заказчиками в соответствии с установленными правилами.

В случаях конкретных преступных нарушений этого комплекса обязанностей работники торговли и сферы обслуживания причиняют ущерб социалистической собственности или личной собственности граждан, либо и тому и другому объектам одновременно. В зависимости от объекта посягательства

¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974—1979 г.г. М., 1981, с. 137.

действия следует квалифицировать как хищение государственного или общественного имущества, либо как хозяйственные преступления (обман покупателей или заказчиков, частнопредпринимательская деятельность и др.), либо по совокупности хищения и соответствующих хозяйственных преступлений.

1. Если обвес, обмер или иной обман совершаются при продаже товаров государственным, общественным, кооперативным организациям, а также при отпуске товаров магазинам, ресторанам, столовым и т. д. из промышленных предприятий, торговых баз, складов, хранилищ, то излишки товаров, образовавшиеся в результате указанных действий не перестают быть собственностью государства. Последующее их присвоение является хищением социалистического имущества. На это указано в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей”.¹

2. Иная ситуация возникает в случае, рассмотренном в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1975 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков” (п. 9). Если обман покупателей и заказчиков совершен должностным лицом с целью сокрытия недостачи материальных ценностей или денежных средств, образовавшейся в результате совершенного им хищения, то действия виновного следует квалифицировать по ст. 156 и по ст. 92 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других республик.²

Указанное положение в части, касающейся хищения, в равной мере относится как к должностным, так и к другим материально ответственным лицам, осуществляющим розничную торговлю, коммунальное и бытовое обслуживание, которые, совершив присвоение или растрату, скрывают недостачу путем обмана покупателей и заказчиков. В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 11 декабря 1968 г. „Об улучшении работы судов по борьбе с обманом покупателей” в этой связи говорится о „работниках торговли или общест-

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 207.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 гг., ч. 2. М., 1978, с. 228—229.

венного питания, присвоивших или растративших вверенное им государственное или общественное имущество".¹

Названные случаи представляют собой реальную совокупность двух самостоятельных, последовательно совершаемых преступлений, предусмотренных не только разными статьями (ст. 92 и ст. 156 УК РСФСР), но и разными главами уголовного кодекса.

3. Если работники предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, совершают обвешивание, обмеривание, обсчет, завышение цен, изменение прейскурантов и иной обман граждан с целью обращения в свою собственность денег или товаров, оказавшихся в излишке в результате этого обмана, их действия охватываются диспозицией ст. 156 УК РСФСР. Здесь не происходит безвозмездного изъятия имущества из социалистических фондов, умысел виновных направлен на обогащение за счет обмана покупателей или заказчиков, и они обогащаются, причиняя ущерб личной собственности.

4. Рассмотренные в п.п. 2 и 3 действия следует отличать от внешне совпадающих ситуаций, но с иной направленностью умысла виновных. Возможны случаи, когда работники предприятий торговли и общественного питания, бытового обслуживания населения, имея намерение осуществить хищение государственного и общественного имущества, как правило, денег, а иногда и конкретных, обычно дефицитных товаров, подготавливая это хищение, создают источники, резервы для последующего изъятия и завладения государственным имуществом. Способами создания резерва хищения являются пересортица товаров, фальсификация их, ухудшение качества и др.

Особенно это характерно при реализации фруктов, овощей, молочных продуктов, когда путем пересортицы или ухудшения качества реализуемой продукции создаются резервы для хищения денег. Эта ситуация по существу аналогична изложенной в п. 2, однако разница заключается в том, что там наличную недостачу покрывают за счет обмана,

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 226. Аналогичное по сути решение дано в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда БССР от 5 сентября 1984 г. „О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил торговли, обманом покупателей” и в п. 5 „в” постановления Пленума Верховного Суда Казахской ССР от 21 сентября 1984 г. „О судебной практике по делам об обмеривании, обвешивании, обсчете и ином обмане покупателей и заказчиков”.

а здесь во избежание недостачи создают резерв материальных ценностей для последующего хищения государственного имущества.

Вместе с тем эта ситуация имеет внешнее сходство и с действиями работников торговли и сферы обслуживания, рассмотренными в п. 3, которые квалифицируются по ст. 156 УК РСФСР. Разграничение следует проводить по направленности умысла уже в момент создания резерва. О наличии умысла на хищение государственного и общественного имущества, а не на стремление обратить в свою собственность продукты, товары, которые оказались в излишке в результате обмана покупателей, свидетельствуют разрыв во времени между накоплением резерва одних материальных ценностей и изъятием других материальных ценностей или денег, различного рода фальсификации в документах, сговор с работниками бухгалтерии и др.

Формальное отсутствие недостачи, скрытой за счет подлогов в документах по учету государственного имущества, пересортицы, фальсификации товаров, проданных гражданам по цене доброкачественной продукции, не может служить основанием для вывода об отсутствии хищения.

Заведующая отделом с самостоятельным хозяйством Морозова и зав. складом готового платья Рогова решили похитить два кожаных пальто следующим образом. Воспользовавшись тем, что куртки из смесовой ткани в зависимости от размера стоили от 65 до 80 рублей, они изменили в ценнике размеры и стоимость. Кроме того, Рогова передала Морозовой бестоварную накладную на два кожаных пальто по 620 руб. каждое, которые последняя якобы реализовала через свой отдел. В действительности эти пальто Морозова и Рогова присвоили, покрыв 1240 руб. деньгами, полученными в результате обмана покупателей при продаже курток.

5. Возможны случаи, когда имеет место преступный сговор между работниками промышленных предприятий, изготавливающих продукцию, и работниками магазинов, предприятий общественного питания и обслуживания населения, реализующих ее. На предприятии в результате правомерной или неправомерной экономии сырья, замены более ценных компонентов малоценными создается продукция ухудшенного качества, а из образовавшихся излишков вырабатывается неучтенная продукция. Неучтенная продукция сбывается через магазин, с работниками которого имеется преступный сговор. Квалификация в этом случае зависит от доказанности по делу совместности и согласованности действий всех соучастников. Если будет доказано, что работники торговых предприятий или предприятий общественного питания реализуют по предварительному сговору с работниками промышленных пред-

приятий похищенную неучтенную продукцию ухудшенного качества (низшего сорта) по цене высокосортной продукции, то в действиях всех участников преступной группы совокупность двух преступлений: группового хищения государственного имущества и группового обмана покупателей (ст.ст. 92 и 156 УК РСФСР).¹

Разграничение и квалификация по совокупности хищения государственного и общественного имущества и частнопредпринимательской деятельности

Частнопредпринимательская деятельность причиняет материальный ущерб социалистическому хозяйству и является умышленным корыстным преступлением, преследующим цель незаконного обогащения. Названные признаки сближают частнопредпринимательскую деятельность с хищением государственного и общественного имущества, вызывая на практике затруднения при разграничении этих преступлений.

Кроме того, частнопредпринимательская деятельность бывает связана с незаконным и безвозмездным изъятием в корыстных целях государственного и общественного имущества (сырья, материалов, денежных средств), что в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. „О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество“ влечет квалификацию указанных действий по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 92 (ст. 89, 93) и ч. 1 ст. 153 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.²

Наибольшие сложности для разграничения хищения и частнопредпринимательской деятельности представляют собой следующие случаи: 1) организация на государственных предприятиях выпуска неучтенной продукции; 2) оказание различных услуг населению на предприятиях коммунального

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. „О судебной практике по делам об обмане покупателей“, п. 12. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983 г.г. М., 1984, с. 207.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 г.г., ч. 2, М., 1978, с. 208.

хозяйства и бытового обслуживания с нарушением порядка их оформления для обращения в свою собственность денег, уплаченных клиентом за выполненную услугу.

Квалификация действий зависит от источника обогащения, от экономической и правовой характеристик незаконной деятельности (см. приложение 3).

Так, если на социалистическом предприятии организуется выпуск неучтенной продукции, то, поскольку это продукт труда рабочих, оплаченного государством, из сырья, принадлежащего государству, с использованием государственной производственной базы (помещений, источников всех видов энергии, станков, оборудования, инструментов и т. п.), постольку этот продукт в целом является собственностью государства, а его изъятие — хищением государственного имущества путем злоупотребления служебным положением.¹

Пленум Верховного Суда РСФСР по делу Сельского, Еврафовой и других указал, что предметом хищения в таких случаях является не сырье, а стоимость изготовленной неучтенной продукции.²

Не имеет значения, изготовлена ли неучтенная продукция из украденного (например, со склада) государственного сырья, из излишков сырья, созданных за счет недовложения и ухудшения качества выпускаемых изделий или даже за счет сэкономленного сырья вследствие правомерного режима экономии. Во всех случаях государство является собственником созданной неоприходованной продукции.

Возможна и иная в экономико-правовом отношении ситуация, когда прибыль виновными получена за счет незаконной эксплуатации государственных производственных мощностей: зданий, сооружений, энергии, станков, оборудования и в целом всего производственно-технологического процесса, организованного на государственном предприятии. При этом сырье и рабочая сила принадлежат частному предпринимателю (нанята им или он вкладывает свой собственный труд).

Социалистическое предприятие используется здесь для достижения двух целей: прикрытия частнопредпринимательской деятельности и незаконной эксплуатации социалистических фондов, т. е. права, льготы и преимущества, предостав-

¹ Курс советского уголовного права. В 6-ти т., т. 5. М., 1971, с. 406; см. также: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 187—188.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 4, с. 5.

ляемые социалистическим организациям,¹ используются для извлечения частнопредпринимательской прибыли. Социалистической собственности причиняется материальный ущерб, но его характер иной, чем при хищении: это не уменьшение наличных социалистических фондов, а недовложение в них в виде разного рода отчислений (на обновление, восстановление фондов, в общественные фонды потребления и т. д.). Изготовленная продукция не является в этом случае собственностью государства, поскольку оно не понесло основных издержек на ее производство (сырье и труд). Эта продукция — результат частнопредпринимательской деятельности, которая квалифицируется по ч. 1 ст. 153 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

В качестве примера ошибочной квалификации можно привести дело Акопяна — мастера цеха по пошиву и ремонту обуви Кропоткинского КБО. Акопян приобрел 2400 м² кожевенного сырья и 126 м² меха у неустановленного лица и организовал в цехе пошив женских сапожек, используя труд рабочих цеха. За пошив сапожек Акопян платил рабочим наличные деньги „из рук в руки“. Кропоткинский народный суд Красноярского края неверно квалифицировал действия Акопяна по ст. 92, ч. 1, ст. 153 и ст. 170 УК РСФСР. Его действия следовало квалифицировать лишь как злоупотребление служебным положением для организации частнопредпринимательской деятельности и сама частнопредпринимательская деятельность.

В тех же случаях, когда частное предпринимательство сопровождается хищением сырья, материалов, денежных средств, действия виновных представляют собой совокупность двух преступлений: хищения и частнопредпринимательской деятельности.

Примером может служить дело Х. и К., признанных виновными в том, что в мастерской металлоизделий использовали сырье (латунь, белую жечь и др.) и оборудование мастерской, специально приобретенные ими штампы для изготовления с целью сбыта металлических пуговиц с иностранным клеймом. Всего ими было изготовлено 4167 пуговиц по 15 коп. за штуку на 628 рублей и 31976 заготовок к ним, из которых они намеревались изготовить пуговиц на 4796 рублей. Судом первой инстанции эти действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 153 и ст. 15, ч. 3 ст. 92 УК РСФСР.

Признав, что в данном случае предметом хищения являются не пуговицы, а лишь сырье (латунь, белая жечь и другие металлы), судебная коллегия Верховного Суда РСФСР переквалифицировала действия осужденных на ч. 1 ст. 96 УК РСФСР (вместо ст. 15, ч. 3 ст. 92 УК РСФСР) и указала, что „предполагаемая нажива от частнопредпринимательской

¹ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. „О практике применения судами РСФСР законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество“. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977 гг., т. 2. М., 1978, с. 208.

деятельности ошибочно квалифицирована как покушение на присвоение в крупном размере неучтенной продукции".

В другом случае Геворкян — бригадир обувного цеха фабрики организовал выпуск дефицитной спортивной обуви. Будучи должностным, материально ответственным лицом, он изъятию сэкономленные в цехе кожматериалы, полиуритан, нить, нанял рабочих, которым платил за труд лично, шил обувь сам, используя производственную базу фабрики. В действиях Геворкяна правильно определена совокупность преступлений: хищение сырья путем присвоения (ст. 92 УК РСФСР), частнопредпринимательская деятельность (ч. 1 ст. 153 УК РСФСР) и злоупотребление служебным положением (ст. 170 УК РСФСР).

Организация частнопредпринимательской деятельности может быть связана и с похищением денежных средств, принадлежащих государству. Злоупотребляя своим служебным положением, связанным с выполнением организационно-распорядительных функций, такие должностные лица, как начальники цехов, производственных участков, мастера включают в наряды рабочим, оплачиваемые государством, „левые" работы. В таких случаях имеет место незаконное безвозмездное изъятие денежных средств на оплату труда, в процессе которого изготавливается „левая" продукция и извлекается частнопредпринимательская прибыль.

Некоторую специфику имеет квалификация хищений и частнопредпринимательской деятельности при ее организации на предприятиях бытового обслуживания.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества" в п. 21 рекомендуется квалифицировать обращение в свою собственность денежных средств работником сферы обслуживания населения, полученных от заказчика по прейскуранту, за выполненную работу с использованием сырья или материалов предприятия, как хищение государственного или общественного имущества. Если же не используются сырье и материалы предприятия, то содеянное следует считать частнопредпринимательской деятельностью или причинением государству имущественного ущерба (ст. 94 УК РСФСР).

В первой части п. 21 постановления речь идет о деянии, по своему экономико-правовому содержанию аналогичном выпуску неучтенной продукции из принадлежащего государству сырья, только в данном случае не выпускается продукция, а оказывается неучтенная услуга (неоформленная квитанцией). Предметом хищения являются деньги, уплаченные за услуги, и их сумма определяет размер хищения.

Однако критерий разграничения, предлагаемый упомянутым постановлением Пленума Верховного Суда — квалифицировать в зависимости от того, кто является собственником сырья и материалов, — хотя, несомненно, правилен, но не универсален, так как не позволяет учесть всего многообразия особенностей производственно-финансовой деятельности на предприятии службы быта, поскольку стоимость заказа или услуги в одних случаях зависит, главным образом, от стоимости затраченного на нее государственного сырья, а в других — от вложенного труда работника. Это обстоятельство не безразлично для уголовно-правовой оценки действий работника.

Сфера обслуживания населения объединяет большое количество различных отраслей, отличающихся не только по характеру выполняемых услуг, но и по их экономическому содержанию. Наиболее общим является деление на производственные и непроизводственные отрасли. К производственным отраслям относятся пошив и ремонт одежды, изготовление и ремонт сумок, зонтов, изготовление пуговиц, ремонт бытовой техники и др., т. е. изготовление новых изделий или восстановление полезных качеств изделий. Эти отрасли имеют много общего с легкой промышленностью, поэтому все сказанное ранее о выпуске неучтенной продукции имеет непосредственное отношение к ним.

К непроизводственным отраслям относятся парикмахерские услуги, маникюр, косметика, справочная служба, прокат, ломбард, утюжка, чистка одежды и др. Они отличаются экономической спецификой, что придает своеобразие и характеру правонарушений, совершаемых работниками этих отраслей. При разграничении хищения и частнопредпринимательской деятельности здесь уже имеет значение и кем совершается правонарушение — исполнителем услуги, наделенным правом расчета с клиентурой, т. е. исполняющим функции кассира, или не наделенным такими полномочиями.

Если клиент договаривается в „частном” порядке с непосредственным исполнителем, не наделенным правом расчета, и платит за услугу деньги, то получение (присвоение) этой суммы не будет незаконным безвозмездным изъятием денег у государства, так как деньги государству не принадлежали. Дело в том, что в непроизводственных отраслях службы быта почти всю стоимость оказанной услуги составляет труд ее исполнителя, ибо государственное сырье или не используется вовсе (справочная служба), или, если и используется, то его

стоимость по отношению к стоимости труда незначительна (парикмахерские услуги). Если, к примеру, парикмахер или маникюрша систематически не включают выполненную услугу в листок по учету выработки, а деньги за нее получают непосредственно с клиента, то труд по выполнению этой услуги не будет оплачен государством, следовательно, в силу отсутствия безвозмездного изъятия, хищения в таком случае не будет. Подобные действия, совершаемые систематически, представляют собой частнопредпринимательскую деятельность. Правда, при выполнении парикмахерских услуг могут использоваться вспомогательные материалы, принадлежащие государству — парфюмерия, но стоимость их относительно стоимости труда незначительна, поэтому действие это может квалифицироваться как мелкое хищение, или вообще быть малозначительным деянием.

Если работник непроизводственной отрасли службы быта выполняет одновременно и функции кассира, то при заключении договора на выполнение услуги он выступает как представитель государства, наделенный правом расчета с клиентурой от имени государства. Если он злоупотребляет этим правом, получает деньги, а затем выдает квитанцию на неполную сумму, выдает использованную квитанцию или вводит клиента в заблуждение относительно бесквитанционной формы расчета и т. д., то изъятие таким образом полученных денег представляет собою хищение, поскольку деньги внесены государству, именно с ним через уполномоченное государством лицо клиент вступил в договорные отношения. Поэтому с момента уплаты денег их следует считать вошедшими в фонд государства, а последующее изъятие — хищением.

Общее понятие хищения
государственного или общественного имущества

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ СМЕЖНЫХ СЛУЧАЕВ ХИЩЕНИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ
(ст. 92 УК РСФСР) И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ ИЗ КОРЫСТНОЙ
ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ (ст. 170 УК РСФСР)**

Общие признаки

1. Субъект — должностное лицо.
2. Способ действия — злоупотребление служебным положением.
3. Мотив — корыстная заинтересованность.
4. Последствие — материальный ущерб социалистической организации.

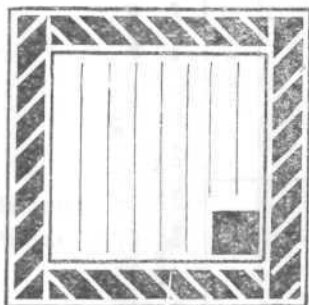
Р а з л и ч и е

Ущерб при хищении (ст. 92 УК РСФСР) причиняется путем безвозмездного изъятия материальных ценностей из социалистического фонда

Ущерб при совершении должностного преступления (ст. 170 УК РСФСР) причиняется либо вследствие непоступления в соц. фонд тех материальных ценностей, которые должны были поступить, либо вследствие незаконного использования имущества не по назначению

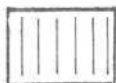
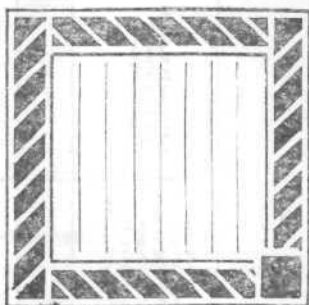
Хищение

путем злоупотребления
служебным положением

Злоупотребление

служебным положением из
корыстной заинтересованности

— социалистический фонд;

— материальные ценности, которые должны были поступить в социалистический фонд;

— обогащение преступника.

Приложение 3

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРОДУКТА ТРУДА ИЛИ УСЛУГИ			ЭКОНОМИКО ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ
ЗДАНИЯ, СООРУЖЕНИЯ, ЭНЕРГИЯ, СТАНКИ, МАШИНЫ, ДР. ОБОРУДОВАНИЕ	СЫРЬЕ	ТРУД		
				ст. 92
				ст. 153
				ст. 92
				ст. 153
				ст. 153
				ст. 92
				ст. 153

ПРИНАДЛЕЖИТ ГОСУДАРСТВУ
И ЧАСТИЧНО ЧАСТНОМУ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЮ

ПРИНАДЛЕЖИТ ГОСУДАРСТВУ ИЛИ
ОПЛАЧЕНО ГОСУДАРСТВОМ

ПРИНАДЛЕЖИТ ЧАСТИ ПРЕДПРИНИ-
МАТЕЛЮ ИЛИ ОПЛАЧЕНО ИМ

Введение	3
Раздел I. Анализ признаков понятия хищения	6
Объект и предмет преступного посягательства при хищении. Понятие имущества	8
Понятие незаконного безвозмездного изъятия имущества из владения социалистических организаций	24
Субъективные признаки хищения	51
Раздел II. Отграничение хищения социалистического имущества от некоторых смежных преступлений	65
Разграничение хищений социалистического имущества и должностных преступлений	65
Разграничение хищений социалистического имущества и обмана покупателей и заказчиков	67
Разграничение и квалификация по совокупности хищения государственного и общественного имущества и частнопредпринимательской деятельности	71
Приложения	

Л. А. АНДРЕЕВА, Б. В. ВОЛЖЕНКИН,
Г. В. ОВЧИННИКОВА

ПОНЯТИЕ ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Учебное пособие

Изд. 2-е, переработанное

Редактор Н. В. Древницкая

Корректор Т. Н. Кондэ

Подписано к печати 03.12.85.	Печ. л. 5,0.	Уч.-изд. л. 5,5.
Формат 60×84 ¹ / ₁₆ .	Бумага типографская.	Гарнитура литературная.
Печать высокая.	Тираж 1150 экз.	Заказ 52с.
		Цена 25 коп.

Редакционно-издательский отдел
Института усовершенствования следственных работников
при Прокуратуре СССР
191104, Ленинград, Литейный пр., 44

Типография им. Урицкого.